

МОЙ ПАПА ГОЛУБОЙ

ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА:

Иван Петрович Левицкий – 40-летний фотокорреспондент газеты «Питер лайф»

Светлана Левицкая – его жена

Влад Левицкий – их 15-летний сын

Мария Олеговна Тульская – 40-летняя корреспондент газеты «Питер лайф» и давняя студенческая подруга Ивана Левицкого

Ванесса Карловна Миллер – кризисный менеджер

Семен Николаевич – редактор газеты «Питер лайф»

Полина Матвеевна – его жена

Вера Ивановна – главный бухгалтер редакции «Питер лайф»

Лидия Михайловна, Игорь Степанович, Виктор Леонидович – заведующие отделами газеты «Питер лайф»

Александра – 25-летняя начинающая журналистка, корреспондент газеты «Питер лайф»

Ирочка – секретарь редакции

Игорек – системный администратор редакции

Люська – подруга Марии Тульской

Вальдемар – молодой артист, сосед Левицкого по коммунальной квартире

Иришка – соседка Ивана Левицкого по коммунальной квартире

Степан Агафонович Павлов – хозяин бутика «Шёнхайт»

Казимир Альбертович – управляющий бутиком «Шёнхайт»

Ирина – его жена

Верочки с Игорем – друзья Казимира Альбертовича

Вечер. Комната 15-летнего подростка. По стенам развешаны плакаты с изображением звезд эстрады. Диван завален одеждой. В углу – кресло и компьютерный стол, за которым полулежит Влад Левицкий.

Выкрашенные в ярко-красный цвет волосы торчат в разные стороны, на руке татуировка, джинсы настолько рваные, что кажется, они держатся на одном честном слове, на футболке надпись: «Отстаньте все от меня!»

Звонит сотовый. Он берет его в руки, на дисплее высвечивается:

«Папа». Какое-то время парень смотрит на него, потом откладывает и опять утыкается в монитор. А телефон продолжает звонить.

Влетает рассерженная мать Влада Светлана Левицкая. Она недавно из душа, о чем свидетельствует махровый халат и полотенце на голове.

СВЕТЛАНА ЛЕВИЦКАЯ:

Почему ты не отвечаешь?

ВЛАД ЛЕВИЦКИЙ (пожимая плечами):

Это – папа!

СВЕТЛАНА ЛЕВИЦКАЯ:

И что, трудно ответить?

ВЛАД ЛЕВИЦКИЙ:

Нетрудно, но он будет звать меня к себе, а я не хочу.

СВЕТЛАНА ЛЕВИЦКАЯ:

Почему?

ВЛАД ЛЕВИЦКИЙ:

Скучно мне с ним. И эти его котлетки с пюрешкой... Разве ты не из-за этого с ним развелась?

СВЕТЛАНА ЛЕВИЦКАЯ:

Из-за чего мы развелись, в данном случае не имеет никакого значения! Он – твой отец, и ты должен уважать его просьбы.

ВЛАД ЛЕВИЦКИЙ (капризным тоном):

Ну, мам, ты же знаешь, как я не люблю коммунальные квартиры. В них так отвратительно воняет жареным луком!

СВЕТЛАНА ЛЕВИЦКАЯ:

А отец там живет!

ВЛАД ЛЕВИЦКИЙ (пожимая плечами):

Значит, ему нравится!

СВЕТЛАНА ЛЕВИЦКАЯ (подходит к сыну и резко поворачивает его к себе):

Нравится?! Мы могли поменять трехкомнатную квартиру, которую, кстати, дали твоему отцу на его работе, на две однушки. И ты бы сейчас жил в одной комнате со мной. Но твой отец поселился в коммуналке, чтобы у его сына была своя комната в отдельной квартире!

ВЛАД ЛЕВИЦКИЙ (скорчив недовольную мину):

Ну, ладно-ладно, хватит, слышал сто раз! Сейчас позвоню.

Коридор редакции газеты «Питер лайф». У окна стоят двое мужчин, курят. Мимо них проходит Мария Тульская – невысокая скромно одетая блондинка с волосами, забранными в прическу «Конский хвост». Сумка через плечо, в руках какие-то бумаги, взгляд задумчивый. В знак приветствия кивает молодым людям и идет дальше. Ее догоняет Иван Левицкий. На нем красивый серый костюм с белой рубашкой, бабочка, волосы явно уложены парикмахером, на лице улыбка.

ИВАН ЛЕВИЦКИЙ:

Мария Олеговна! Подождите!

Она оборачивается, видит Ивана и останавливается, восхищенно уставившись на друга.

МАРИЯ ТУЛЬСКАЯ:

Ну, ты фронт! По какому случаю так расфуфырился?

ИВАН ЛЕВИЦКИЙ (радостно улыбаясь):

Ты забыла, какой сегодня день?

МАРИЯ ТУЛЬСКАЯ:

Почему это я забыла?! Сегодня тебе стукнуло 40, но это же не повод наряжаться так, будто ты собрался не на работу, а на дипломатический раут.

ИВАН ЛЕВИЦКИЙ (продолжая улыбаться):

Ты права, одного дня рождения для этой роскошной бабочки было бы маловато. Но у меня есть еще два смягчающих обстоятельства: во-первых, заметь, впервые в жизни я приобрел автомобиль. А, во-вторых, мы с сыном, опять же, впервые в жизни, как два взрослых мужика, идем в ресторан праздновать. Прости, конечно (он склонился и поцеловал руку Марии), но с тобой и другими близкими друзьями мы отпразднуем завтра.

МАРИЯ ТУЛЬСКАЯ:

С ума сойти! На какие шиши машину-то купил?

ИВАН ЛЕВИЦКИЙ (радостно):

Взял кредит!

МАРИЯ ТУЛЬСКАЯ:

Рисково!

ИВАН ЛЕВИЦКИЙ:

Да, ладно, чего тут рискованного?! Сейчас все живут в кредит: покупают квартиры, машины, ездят за границу...

МАРИЯ ТУЛЬСКАЯ:

Ну-ну!

Она роется в сумке, достает коробку и вручает ее Ивану.

МАРИЯ ТУЛЬСКАЯ:

Я тоже решила тебя удивить. С днем рождения, Ванюша!

Она чмокает друга в щечку, он, радостно улыбаясь, открывает коробку. В ней лежит настоящий пистолет.

ИВАН ЛЕВИЦКИЙ (испуганно):

Пистолет? Я чего-то не знаю?

МАРИЯ ТУЛЬСКАЯ (с очень серьезным лицом):

Может быть.

А сама отворачивается, чтобы Иван не увидел ее улыбку. Он задумчиво сует коробку в сумку.

ИВАН ЛЕВИЦКИЙ:

Спасибо, конечно, только это как-то странно. К тому же разве имеет право обычный человек?..

МАРИЯ ТУЛЬСКАЯ:

Имеет, имеет, даже не сомневайся.

Он пожимает плечами, обнимает подругу и идет к двери, на которой написано: «Бухгалтерия».

Иван стучит в дверь и, не дожидаясь ответа, входит. Его холодно встречает главный бухгалтер редакции Вера Ивановна, солидная женщина в годах. Она кивает в ответ на его радостное приветствие и, ни слова не говоря, идет открывать сейф.

ИВАН ЛЕВИЦКИЙ (улыбаясь):

Ты чего, Вера Ивановна, такая хмурая?

ВЕРА ИВАНОВНА:

А чего веселиться?

Вместе с зарплатой она подает Ивану документ.

ВЕРА ИВАНОВНА:

Вот, ознакомься! Сокращают тебя.

Иван растерянно опускается на стул.

ИВАН ЛЕВИЦКИЙ:

За то?

ВЕРА ИВАНОВНА (тяжело вздыхая):

Ни за что, а почему. Ну, формально потому что в новом холдинге с иностранным названием «Питер лайф» нет больше ставки фотокорреспондента...

ИВАН ЛЕВИЦКИЙ:

А не формально?

ВЕРА ИВАНОВНА:

А не формально, Ванюша, не вписываешься ты в новую концепцию.

ИВАН ЛЕВИЦКИЙ:

Чем не вписываюсь?

ВЕРА ИВАНОВНА:

Ну, не знаю, староват, может, ты для этой самой новой концепции, будь она неладна! Ну и потом, слышал же, что говорил генеральный на последней летучке, когда представлял коллективу кризисного менеджера.

У Веры Ивановны такой вид, будто она была во всем виновата. Некоторое время бухгалтер молчит, а потом продолжает.

ВЕРА ИВАНОВНА:

Газеты – вчерашний день СМИ, тиражи падают, многотиражки себя изживают, все движение идет в Интернет.

Ошалелый Иван молча расписывается в приказе, берет деньги и выходит из бухгалтерии.

Коридор редакции. По нему туда-сюда снуют люди. У окна курят две девушки. Иван выходит из бухгалтерии, тупо глядя на приказ о своем сокращении. Девушки у окна внимательно наблюдают. Он какое-то время стоит в замешательстве, потом разворачивается и напрямик идет в кабинет, на двери которого красуется табличка: «ВАНЕССА КАРЛОВНА МИЛЛЕР, кризисный менеджер». Иван резко открывает дверь и без приглашения входит.

В кабинете кризисного менеджера за большим столом сидят Ванесса Карловна и главный редактор «Питер лайф» Семен Николаевич. Они что-то читают в мониторе компьютера, но, когда входит Иван, дружно поворачивают головы и недоуменно смотрят на не прошенного сотрудника.

ВАНЕССА КАРЛОВНА

Вас не учили стучаться?

ИВАН ЛЕВИЦКИЙ (с отчаянием в голосе):

Значит, профессиональный фотокорреспондент больше не нужен этой редакции?

Семен Николаевич смущенно смотрит на Ванессу Карловну. Та несколько секунд изучает лицо Ивана, потом встает.

ВАНЕССА КАРЛОВНА:

У вас есть страничка в Инстаграмме?

ИВАН ЛЕВИЦКИЙ (растерянно):

Нет.

ВАНЕССА КАРЛОВНА:

А в Твиттере, Ютубе, Фейсбуке?..

Иван отрицательно мотает головой.

ВАНЕССА КАРЛОВНА:

Ну, на худой конец, может быть, вы зарегистрированы в Одноклассниках?

ИВАН ЛЕВИЦКИЙ:

К чему все эти вопросы?

Он с надеждой кидает взгляд на главного редактора, но тот сидит молча, втянув голову в плечи и ни на кого не глядя.

ВАНЕССА КАРЛОВНА:

А к тому, дорогой друг, что мы собираемся выходить в Интернет и работать глобально. Создавать группы в самых популярных соцсетях. У «Питер-лайф» будет свое радио, телевидение. Где вы видите себя?

Иван никак не реагирует, растерянно глядя на строгую даму.

ВАНЕССА КАРЛОВНА:

Нам нужны перспективные, молодые, умеющие работать креативно, задорно, если хотите, на грани фола, специалисты, а не товарищи, которые привыкли снимать работяг у станка. Это понятно? Вы – отсталый, не вписывающийся в наши планы специалист.

Иван порывается возразить, но опускает голову и выходит, тихо закрыв за собой дверь. В этот момент в его кармане звонит телефон. Он нажимает на включение.

ГОЛОС ВЛАДА:

С днем рождения, пап! Ты прости, сегодня встретиться не получится. Ребята достали билеты на концерт «Morgenshtern». Это такая редкая удача, просто офигеть! Ты ж понимаешь!

Иван собирается что-то сказать, но сын не дает.

ГОЛОС ВЛАДА:

Ну, все, пап, еще раз с днем рождения! Всего тебе! Пока!

Иван подходит к окну, тупо смотрит вдаль, а потом медленно уходит из редакции.

Занавес. Звук разгоняющегося автомобиля, визг тормозов, крик сигнализации. Выходит Иван, держится за голову, качается из стороны в сторону, в руках у него коробка. Он достает пистолет, сует его в рот и замирает.

ИВАН ЛЕВИЦКИЙ (чуть ни плача):

Блин, Манька, он шоколадный!

Вечер. Комната Вальдемара, соседа Ивана по коммунальной квартире. В уютном современном кресле сидит молодой артист. Весь внешний вид его выдает человека, явно нетрадиционной ориентации. Он полирует ногти и разговаривает по скайпу со своим покровителем.

ВАЛЬДЕМАР:

Это же настоящий гадюшник! Когда ты меня звал, я и представить себе не мог, что буду жить в вонючей коммуналке.

ГОЛОС ПОКРОВИТЕЛЯ ВАЛЬДЕМАРА:

Ну, котик, потерпи! Это временное пристанище. Вот начнем снимать, потекут деньги, и мы купим тебе хорошенькую квартирку.

ВАЛЬДЕМАР (капризно):

И сколько терпеть?

ГОЛОС ПОКРОВИТЕЛЯ ВАЛЬДЕМАРА:

Думаю, через пару месяцев все уладится. А пока идут переговоры с инвесторами. Не надо нервничать! Потерпи!

ВАЛЬДЕМАР (капризно):

Ну, ла-а-адно, чмоки, споки ночи!

Он выключает компьютер и вдруг слышит.

ЗАПЛЕТАЮЩИЙСЯ ГОЛОС ИВАНА ЛЕВИЦКОГО:

Сын предал, кредитную машину разбил, с работы погнали! Неудачник! А кому нужен неудачник? Вот именно – никому!

Вальдемар высовывается и видит пьяного Ивана, который стоит на балконе с бутылкой коньяка в руке и так низко наклоняется над парапетом, что еще чуть-чуть, – и сорвется.

ВАЛЬДЕМАР:

Даже не думай прыгать на мою машину! Обрызгаешь кровью. А мне это надо – отмывать потом твою кровь?! А ее будет много, очень много, ты мне поверь!

Иван смотрит на Вальдемара растерянно. А тот продолжает.

ВАЛЬДЕМАР:

К тому же она у меня тоже в кредите, и я тоже не имею работы. Тебе-то будет уже все равно, а я за что пострадаю?

Иван неотрывно смотрит на Вальдемара.

ВАЛЬДЕМАР:

Давай лучше выпьем вместе. У меня сегодня тоже отвратный день.

Ночь. Комната Ивана. За столом сидят хорошо поддатые Иван и Вальдемар. Иван поднимается, сильно качаясь, идет к холодильнику и открывает дверцу.

ИВАН ЛЕВИЦКИЙ:

Все кончилось, пить больше нечего.

ВАЛЬДЕМАР:

Отлично! Хватит сидеть в четырех стенах, пошли отрываться в клуб. Выпивка кончилась, а жизнь продолжается! Ура!

Пьяный Иван обнимает Вальдемара за плечи.

ИВАН ЛЕВИЦКИЙ:

Хороший ты мужик, Вальдемар! Настоящий! Уважаю!

Гей-клуб. Глубокая ночь. В клубе очень многолюдно. Оркестранты отдыхают, поэтому никакого музыкального сопровождения нет, но шум стоит неимоверный.

Сильно шатаясь, Иван подходит к барной стойке, садится и заказывает два самых крепких коктейля. (Он даже не замечает, что в зале одни мужчины в очень пикантных одеждах.) Соломинку отбрасывает, выпивает свой коктейль залпом и, облокотившись на стойку, засыпает.

Вальдемар недовольно закатывает глаза, но, ничего не сказав, начинает тянуть напиток, поглядывая по сторонам.

В этот момент у оркестрантов заканчивается перерыв, они идут к инструментам, и зал оглушает сумасшедшая музыка. Иван просыпается, встает со стула и выдвигается в середину зала. Никто не обращает на него внимания, зал живет своей отдельной жизнью.

Иван начинает кружиться в такт музыки, пьяно размахивая руками и ногами. И чем энергичнее звучит музыка, тем сильнее распаляется пьяный Иван. В какой-то момент он стаскивает с себя рубашку и начинает размахивать ею над головой.

Вальдемар допивает свой коктейль и присоединяется к другу. Он извивается как змея, и все время пытается обнять Ваню. Публика расступилась, все хлопают, многие снимают на телефоны...

Утро. Коридор редакции «Питер-лайф». Иван идет по коридору и ловит на себе какие-то странные взгляды. Главный бухгалтер Вера Ивановна, вышедшая было из своего кабинета, увидев его, ныряет обратно. Одна

из девушек, куривших у окна, толкает вторую, глазами указывает на Ивана, и они начинают хихикать.

Иван смотрит в зеркало, висящее на стене, потом – на свою одежду, но ничего необычного не замечает. Он пожимает плечами и направляется в свой кабинет.

В кабинете две женщины – полненькая 40-летняя Лидия Михайловна и 25-летняя Александра.

ИВАН ЛЕВИЦКИЙ:

Привет, корреспондентки!

Достает из сумки 1,5-литровую бутылку минералки и жадно пьет.

Обе женщины с интересом наблюдают за каждым его движением и как-то странно переглядываются.

Иван плюхается в свое компьютерное кресло.

ИВАН ЛЕВИЦКИЙ:

Вы на мне дыру протрете, дамочки!

ЛИДИЯ МИХАЙЛОВНА (ехидно):

Жажда замучила?

ИВАН ЛЕВИЦКИЙ:

А что, это теперь тоже под запретом в связи с новой концепцией холдинга?

ЛИДИЯ МИХАЙЛОВНА:

Да нет, почему же?! Просто, говорят, ты вчера отрывался по полной.

Иван закидывает руки за голову и закрывает глаза.

ИВАН ЛЕВИЦКИЙ:

Ну, отрывался! И что?

АЛЕКСАНДРА:

Жесть!

Повернувшись к Лидии Михайловне, она делает возмущенную гримасу.

Иван еще немного сидит с закрытыми глазами, потом встает и начинает заниматься своими обычными делами: вынимает из фотоаппаратов батарейки, достает зарядное устройство, вставляет в сеть, обнаруживает, что одно из них нерабочее, ищет другое.

Тетки исподтишка продолжают буравить его взглядами.

В это время в кабинет входит секретарь редакции Ирочка.

ИРОЧКА:

Иван Петрович, вас Ванесса Карловна зовет.

ИВАН ЛЕВИЦКИЙ:

Обойдется!

Ирочка пожимает плечами и удаляется.

ЛИДИЯ МИХАЙЛОВНА:

Вань! Не дергай тигра за усы!

ИВАН ЛЕВИЦКИЙ (горько усмехаясь):

А то что?.. Через два месяца я по сокращению покину сию обитель.

ЛИДИЯ МИХАЙЛОВНА (сочувственно):

А вдруг передумает. Всякое в жизни бывает.

ИВАН ЛЕВИЦКИЙ:

Я в чудеса не верю.

АЛЕКСАНДРА (хихикая):

А знаете, какое было у Ванессы имя, пока она не уехала к своему Генриху в Германию?

ЛИДИЯ МИХАЙЛОВНА:

Какое?

АЛЕКСАНДРА:

Акулина Агафоновна!

ИВАН ЛЕВИЦКИЙ (пожимая плечами):

Ну и что?!

В кабинет заглядывает подруга Ивана Мария Тульская.

МАРИЯ ТУЛЬСКАЯ:

Вань, можно тебя на минуточку?

Он кивает и идет следом за подругой. Лидия Михайловна с Александрой переглядываются, весело хихикая.

Кабинет Марии Тульской. Мария усаживает Ивана на стул, сама садится напротив.

МАРИЯ ТУЛЬСКАЯ:

Ну, рассказывай!

ИВАН ЛЕВИЦКИЙ (недоуменно):

О чем?

Мария суживает глаза.

МАРИЯ ТУЛЬСКАЯ:

Как ты провел ночь?

ИВАН ЛЕВИЦКИЙ:

Нормально, как и положено юбиляру!

Он встает, наливает в стакан воды из графина, стоящего на столе, и начинает жадно пить.

МАРИЯ ТУЛЬСКАЯ (усмехаясь):

Ты хочешь сказать, что все юбиляры отрываются в гей-клубах?

ИВАН ЛЕВИЦКИЙ (поперхнувшись):

Чего?

МАРИЯ ТУЛЬСКАЯ:

А разве не этим ты сегодня ночью занимался?

Она поворачивает к Ивану ноут-бук, на экране которого он видит себя, полуголого, размахивающего рубашкой и извивающегося в обнимку с Вальдемаром в сумасшедшем танце. А вокруг хлопают и смеются явные гомики.

МАРИЯ ТУЛЬСКАЯ (грустно):

Ты комментарии почитай!

Иван погружается в компьютер, а Мария тяжело вздыхает, отходит к окну.

МАРИЯ ТУЛЬСКАЯ:

Кстати, а почему ты сегодня на работу пришел пешком? Где твоя машина?

ИВАН ЛЕВИЦКИЙ:

Я ее вчера разбил.

МАРИЯ ТУЛЬСКАЯ:

Офигеть!

Мария резко разворачивается к Ивану, сидящему с опущенной головой.

МАРИЯ ТУЛЬСКАЯ:

До или после гей-клуба?

ИВАН ЛЕВИЦКИЙ:

А какое это имеет значение?..

Мария некоторое время молчит, пристально глядя на друга, а потом подходит и становится рядом.

МАРИЯ ТУЛЬСКАЯ:

Когда это с тобой произошло?

ИВАН ЛЕВИЦКИЙ:

Что «это»?

МАРИЯ ТУЛЬСКАЯ:

Хватит придуриваться, мне-то ты можешь сказать?!

ИВАН ЛЕВИЦКИЙ:

Манька, мы с тобой сто лет знакомы...

МАРИЯ ТУЛЬСКАЯ:

Вот именно! И все это время я была для тебя своим парнем. Ну, сейчас-то ладно, сейчас я уже взрослая тетенька, так не страдаю, как в университете, а ведь тогда была в тебя влюблена до обморока. А тебе это было по барабану. Хотя Светланы тогда еще не было на горизонте. Не зря девчонки говорили: «Не переживай, Манька, он не умеет любить!»...

ИВАН ЛЕВИЦКИЙ:

Ты чего несешь, Мань? Мы же со школы с тобой дружим, ты мне как сестра!

МАРИЯ ТУЛЬСКАЯ:

Ну да, конечно! Все вы так говорите!

ИВАН ЛЕВИЦКИЙ:

Кто «вы»?

МАРИЯ ТУЛЬСКАЯ:

Гомики!

ИВАН ЛЕВИЦКИЙ:

Да пошла ты!

Иван пулей выскакивает из кабинета. Мужики, кутившие в конце коридора, увидев его, дружно отворачиваются. Он останавливается, смотрит на них, а потом решительно направляется к кабинету кризисного менеджера.

Взволнованный Иван влетает в кабинет кризисного менеджера Ванессы Карловны.

ИВАН ЛЕВИЦКИЙ:

Приветствую вас!

Ничего не ответив на приветствие, Ванесса Карловна достает из ящика несколько фотографий и бросает их на стол перед Иваном.

ВАНЕССА КАРЛОВНА:

Что все это значит?

Иван подходит, берет фотографии, равнодушно листает и поднимает злые глаза на мадам.

ИВАН ЛЕВИЦКИЙ:

Моя личная жизнь никого не касается! Как и моя сексуальная ориентация!

ВАНЕССА КАРЛОВНА:

Еще как касается!

Ванесса Карловна поднимается со своего кресла, огибает стол и вплотную подходит к Ивану.

ВАНЕССА КАРЛОВНА:

Пока вы работаете в «Питер лайф», извольте вести себя подобающим образом!

ИВАН ЛЕВИЦКИЙ:

А то что? Уволите меня?

Она растерянно смотрит на Левицкого, соображая, что бы ему ответить. А он садится, небрежно достает сигареты, пододвигает к себе пепельницу и закуривает.

ИВАН ЛЕВИЦКИЙ:

Вы присаживайтесь, Ванесса Карловна, или, нет, пожалуй, сейчас Акулина Агафоновна! В Германии, думаю, вы бы не стали так явно демонстрировать свое нетолерантное отношение к сексуальным меньшинствам. А что, если я воспользуюсь так сильно любимым вами Интернетом и размещу информацию, что мадам кризисный менеджер сексуально домогалась подчиненного, а, узнав о том, что он – гомик, выгнала его с работы? Как думаете, креативно получится, или как вы там говорили, на грани фола? Достойно новой концепции холдинга «Питер лайф»?

Женщина продолжает молчать, с ненавистью глядя на Ивана. А он тушит сигарету, встает и молча выходит.

Квартира Люськи, подруги Марии Тульской. Миниатюрная красotka в спортивном костюме открывает входную дверь и впускает в квартиру совершенно мокрую Марию.

ЛЮСЬКА:

Ой, Мань, привет! Ты что, зонт потеряла или решила прикончить жизнь воспалением легких?

Ничего не отвечая на вопрос, Мария стаскивает с себя промокшую насквозь кофту.

МАРИЯ ТУЛЬСКАЯ:

Надеюсь, твой Борюндя на работе?

ЛЮСЬКА:

Не волнуйся! В доме только я и дети, но они погружены в компьютерные игры. Так что, смело стаскивай с себя все тряпки и шуруй в ванну под горячий душ. А я принесу полотенце и халат.

Люська копошится на кухне, доставая чайные принадлежности. Мария выходит в халате и с полотенцем на голове.

ЛЮСЬКА:

Иди на кухню! Я все приготовила.

На столе стоит чашка дымящегося чая, малиновое варенье и свежее испеченные пирожки.

ЛЮСЬКА:

Давай, пей, малиновое варенье сейчас тебе самое то!

Мария тихонько садится за стол и какое-то время сидит молча. Потом поднимает на Люську полные грусти глаза.

МАРИЯ ТУЛЬСКАЯ:

У тебя есть алкоголь?

ЛЮСЬКА (удивленно):

Только водка.

МАРИЯ ТУЛЬСКАЯ:

Давай!

Люська достает из шкафчика бутылку и с ужасом наблюдает, как подруга выливает в раковину чай, наливает в кружку водку и выпивает, закусив малиновым вареньем.

ЛЮСЬКА (участливо):

Что-то случилось?

МАРИЯ ТУЛЬСКАЯ:

Случилось. Ванька Левицкий голубой.

Мария наливает себе еще водки и выпивает.

ЛЮСЬКА (испуганно):

Мань, похоже, ты все-таки простудилась, и у тебя высокая температура.

Ни слова не говоря, Мария включает свой айпад, находит нужный сайт и передает телефон Люське. Та некоторое время смотрит на него, как на гремучую змею, а потом не выдерживает.

ЛЮСЬКА:

Он же в хлам пьяный!

МАРИЯ ТУЛЬСКАЯ:

И что?

ЛЮСЬКА:

А ничего! Ни в жизнь не поверю, что Ванька Левицкий – гомик... Сам-то он что говорит?

МАРИЯ ТУЛЬСКАЯ:

Ничего не говорит!

ЛЮСЬКА:

То есть как?

МАРИЯ ТУЛЬСКАЯ:

Послал меня и ушел!

ЛЮСЬКА:

Бредятина какая-то! Он же самый первый на курсе женился, летал на крыльях от счастья, потом Владик родился...

Люська достает себе чашку, наливает водки и выпивает.

ЛЮСЬКА:

Во всем этом нужно разобраться.

МАРИЯ ТУЛЬСКАЯ:

О чем ты говоришь? Как тут можно разобраться?

ЛЮСЬКА:

Пока не знаю, но надо что-то придумать.

МАРИЯ ТУЛЬСКАЯ (усмехаясь):

Соблазнять его будешь?

ЛЮСЬКА:

А вот это мысль! Ты же в него с первого курса влюблена, тебе и карты в руки!

МАРИЯ ТУЛЬСКАЯ:

Люська, родная, о чем ты говоришь? Когда пять лет назад он развелся со Светкой, я думала: «Ну, вот теперь, может быть, наконец-то...» Ага, щас! Знаешь, что он мне сегодня сказал, что я ему как сестра, а в сестер не влюбляются. Так что, насчет соблазнения это не ко мне.

Люська какое-то время пристально смотрит на Марию.

ЛЮСЬКА:

А я его понимаю! Одеваешься как подросток, за руками не следишь, глаза не красишь, со своим растрепанным конским хвостом не расстаешься! Как в тебе женщину-то разглядеть, если ты даже кокетничать не умеешь?

МАРИЯ ТУЛЬСКАЯ:

Еще чего?! Что я, Барби, чтобы глазки строить?

Мария встает и направляется из кухни.

ЛЮСЬКА:

Ты куда?

МАРИЯ ТУЛЬСКАЯ:

Домой!

ЛЮСЬКА:

Какой домой в таком состоянии?! Я тебя не отпускаю! Идем, я постелю тебе в детской на диване.

Кабинет кризисного менеджера. За столом Ванесса Карловна, главный редактор Семен Николаевич и три заведующих отделами – Игорь Степанович, Виктор Леонидович и Лидия Михайловна.

ВАНЕССА КАРЛОВНА:

...И последний вопрос нашего совещания. Что будем делать с Левицким?

СЕМЕН НИКОЛАЕВИЧ (удивленно):

А что с ним делать? Вы же подписали приказ о его сокращении!

ВАНЕССА КАРЛОВНА:

Да, но это было до того, как мы узнали о его нетрадиционной ориентации.

СЕМЕН НИКОЛАЕВИЧ:

А что это меняет? Мы уже пригласили нового фотокамера.

ВАНЕССА КАРЛОВНА (недовольно):

Вы пригласили, Семен Николаевич! И, надо сказать, сильно поторопились, потому что срок отработки у Левицкого еще не истек!

СЕМЕН НИКОЛАЕВИЧ:

Но рано или поздно истечет! Да и зачем нам в коллективе педик? Нас просто не поймут, если мы оставим его.

ВАНЕССА КАРЛОВНА (зло):

Нас не поймут, если мы его уволим! Европа толерантно относится к сексуальным меньшинствам. А мы собираемся завоевывать все Интернет-пространство? Или вы, Семен Николаевич, думаете остановиться исключительно на местном рынке?

СЕМЕН НИКОЛАЕВИЧ (ерзая в кресле):

Ну почему же?... Если вы так ставите вопрос, тогда действительно как-то неправильно увольнять...э... секс-меньшевика!

И он засмеялся. Все сидящие за столом изо всех сил старались спрятать улыбку, но открыто смеяться никто не решился.

ВАНЕССА КАРЛОВНА (грозно):

Семен Николаевич! Шуточки ваши абсолютно неуместны.

СЕМЕН НИКОЛАЕВИЧ:

Да это я так, для разрядки обстановки.

ВАНЕССА КАРЛОВНА:

Ну, вот и хорошо! Сегодня же, Семен Николаевич, сообщите Ивану Петровичу, что он остается в редакции. Совещание окончено, всего хорошего, господа!

Все молча покидают кабинет и выходят в коридор.

Коридор редакции. После совещания все расходятся по кабинетам. Поравнявшись с Лидией Михайловной, заведующий экономическим отделом Виктор Леонидович наклоняется к самому ее уху.

ВИКТОР ЛЕОНИДОВИЧ:

А может, она тоже того?

Лидия Михайловна стреляет в коллегу удивленным взглядом и молча исчезает в своем кабинете.

А Виктор Леонидович, постояв немного в нерешительности, входит в кабинет Игоря Степановича.

Кабинет заведующего информационным отделом Игоря Степановича. Хозяин сидит у компьютера и задумчиво курит.

Входит Виктор Леонидович и подсаживается к столу.

ВИКТОР ЛЕОНИДОВИЧ:

Слышь, Игореша, ты уже забыл, как тебя подставил Семен Николаевич?

ИГОРЬ СТЕПАНОВИЧ:

Такое забудешь!.. Если б не эта подстава, главным редактором был бы я, а не он!

ВИКТОР ЛЕОНИДОВИЧ:

Вот именно! Филигранная, между прочим, была подстава, не подкопаешься! Всего одну букву в заголовке к твоему интервью с инвестором поменял, и все! – оскорбление готово!

ИГОРЬ СТЕПАНОВИЧ:

Сколько я тогда ни объяснял, что никакого отношения к ошибке не имею, а душок все равно остался. И вспомнили его, когда старый редактор на пенсию пошел... А ты чего про эту историю заговорил?

ВИКТОР ЛЕОНИДОВИЧ:

Да вот, подумал, может, пришло время отомстить? Он ведь и меня пару раз опрокидывал, эта сволочь!

ИГОРЬ СТЕПАНОВИЧ:

Ну, и как ты думаешь, ему можно отомстить?

ВИКТОР ЛЕОНИДОВИЧ:

Я предлагаю намекнуть Семену, дескать, Ванесса очень недовольна его отношением к Левицкому, ну и вообще секс-меньшинствам. Как бы ему не лишиться редакторского кресла. Мол, из достоверных источников известно, что она сама из этих самых...

ИГОРЬ СТЕПАНОВИЧ (обалдело):

Из каких?

ВИКТОР ЛЕОНИДОВИЧ (разочарованно):

Ну и тормоз же ты, Игорек!.. из секс-меньшинств.

ИГОРЬ СТЕПАНОВИЧ:

А она точно, из них?

ВИКТОР ЛЕОНИДОВИЧ:

Нет, конечно, но какое это имеет значение?!

ИГОРЬ СТЕПАНОВИЧ (растерянно):

Что-то я не очень понимаю.

ВИКТОР ЛЕОНИДОВИЧ:

А что тут понимать? Намекнем, чтобы он как-то помягче с Левицким, а еще лучше, чтобы он сказал ему, что и сам не прочь поменять ориентацию.

ИГОРЬ СТЕПАНОВИЧ (испуганно):

Ты с ума сошел! А если он Ванессе на нас настучит?

ВИКТОР ЛЕОНИДОВИЧ:

Не настучит! Пошли!

ИГОРЬ СТЕПАНОВИЧ:

Куда?

Он чуть ни плачет. Но Виктор Леонидович делает вид, что не видит этого.

ВИКТОР ЛЕОНИДОВИЧ:

К Семену, конечно!

ИГОРЬ СТЕПАНОВИЧ:

Ой, Вить, что-то мне не нравится эта затея!

ВИКТОР ЛЕОНИДОВИЧ:

Да брось ты! Нам это точно ничем не грозит!

Он схватывает коллегу за руку и чуть ли не силой тащит его из кабинета.

Кабинет Ивана Левицкого. Он сидит за компьютером. В кабинет входит Лидия Ивановна и останавливается возле Ивана.

ЛИДИЯ ИВАНОВНА:

Ну, вот, а ты говоришь: «Чудес не бывает»! Еще как бывают!

ИВАН ЛЕВИЦКИЙ (удивленно):

Ты о чем, красава?

ЛИДИЯ ИВАНОВНА:

Передумали тебя увольнять!

ИВАН ЛЕВИЦКИЙ:

Шутишь?

ЛИДИЯ ИВАНОВНА (ехидно):

Да какие уж тут шутки?! Все серьезно.

ИВАН ЛЕВИЦКИЙ:

А кто инициатор? Главред, небось?

ЛИДИЯ ИВАНОВНА:

Ничего подобного! Он как раз сильно возражал против тебя!

Она усаживается за свой компьютер и начинает работать. Но Иван не отстает.

ИВАН ЛЕВИЦКИЙ:

А кто ж тогда?

ЛИДИЯ ИВАНОВНА:

Кто, кто?! Подруга твоя – Ванесса Карловна!

Иван берет стул, переворачивает его спинкой к коллеге и, оседлав его, устремляет взгляд на Лидию Михайловну.

ИВАН ЛЕВИЦКИЙ:

Ты ничего не путаешь, лапушка? По какой такой линии она мне подруга?

ЛИДИЯ ИВАНОВНА:

По сексуальной!

ИВАН ЛЕВИЦКИЙ:

Вот это номер! С этого места поподробнее, пожалуйста!

ЛИДИЯ ИВАНОВНА (устало):

Ну, какие тут могут быть подробности? Тебя оставили, потому что ты – гей.

ИВАН ЛЕВИЦКИЙ:

Не понял!

ЛИДИЯ ИВАНОВНА:

Если честно, я и сама не очень поняла. Ванесса что-то триндела насчет толерантности. Дескать, если тебя уволим, нас Европа не поймет.

АЛЕКСАНДРА:

Жесть! Где Европа, а где мы?

Лидия Михайловна молча пожимает плечами, а Иван вскакивает и убегает. Александра с удивлением смотрит ему вслед.

АЛЕКСАНДРА:

А он точно – гей?

ЛИДИЯ МИХАЙЛОВНА:

Похоже, что да! Во всяком случае, Ванесса в этом убеждена.

АЛЕКСАНДРА:

А она-то откуда знает?

ЛИДИЯ МИХАЙЛОВНА (оглядываясь на дверь):

Виктор Леонидович сказал, что она сама – лесбиянка!

АЛЕКСАНДРА:

Жесть!

Александра хватает телефон, сумку и, на ходу набирая чей-то номер, кричит в трубку.

АЛЕКСАНДРА:

Встречаемся в нашей кафешке! Я тебе такое расскажу, упадешь!

Кафетерий. Иван сидит за столиком и сосредоточенно думает. На столе – маленький чайничек. Время от времени он подливает чай в чашку и тихонько пьет, глядя в окно.

Звонит телефон. Он берет трубку.

ГОЛОС ВЛАДА (радостный):

Пап, привет! Давай пересечемся где-нибудь. Мне очень хочется тебя увидеть.

ИВАН ЛЕВИЦКИЙ (настороженно):

А ты где?

ГОЛОС ВЛАДА:

В школе. Ты мог бы меня забрать на своей новой машине?

ИВАН ЛЕВИЦКИЙ (хмуро):

Нет.

ГОЛОС ВЛАДА:

Почему?

ИВАН ЛЕВИЦКИЙ:

Она в ремонте, я ее разбил.

ГОЛОС ВЛАДА:

Вот не фига себе! Столько всего случилось, а ты молчишь!

ИВАН ЛЕВИЦКИЙ:

А чего еще случилось?

ГОЛОС ВЛАДА:

Ну, ладно, пап, я приду вечером, жди!

Сын отключается, а Иван кладет сотовый телефон на стол и опять сосредоточенно смотрит в окно. Потом поднимается и выходит из кафе.

Кабинет главного редактора. За столом для совещаний сидят Иван Левицкий и Мария Тульская. Главный редактор напутствует сотрудников.

СЕМЕН НИКОЛАЕВИЧ:

Значит, так, ребята, отправляйтесь на открытие бутика «Шёнхайт» и попытайтесь креативненько его осветить.

ИВАН ЛЕВИЦКИЙ:

Это как – креативненько?

СЕМЕН НИКОЛАЕВИЧ:

Ну, чтобы получился фоторепортаж, о котором бы заговорил не только Питер.

ИВАН ЛЕВИЦКИЙ (с издевкой):

Вот прям так, да?!

СЕМЕН НИКОЛАЕВИЧ (рассерженно):

Да, Ваня! Нам нужен фоторепортаж, который бы взорвал Интернет.

МАРИЯ ТУЛЬСКАЯ:

Семен Николаевич, вы хоть на секундочку представляете, что может взорвать Интернет?

СЕМЕН НИКОЛАЕВИЧ:

Конечно!

МАРИЯ ТУЛЬСКАЯ (ехидно):

Ну и что?

СЕМЕН НИКОЛАЕВИЧ:

Что-то экстраординарное!

МАРИЯ ТУЛЬСКАЯ:

Например, мой голый зад на фоне изумленной публики? Или как я из баллончика черной краской распыляю непристойное слово на самом дорогом платье, а Ваня все это снимает! Да?

СЕМЕН НИКОЛАЕВИЧ:

Так, Мария Олеговна, вы мне не дерзите! Вам дали задание, идите и выполняйте!

Мария с Иваном нехотя поднимаются и выходят из кабинета редактора.

Семен Николаевич погружается в чтение каких-то бумаг. В дверь стучит секретарша Ирочка

ИРОЧКА (осторожно):

Вы сильно заняты, а то к вам Игорь Степанович с Виктором Леонидовичем просят.

СЕМЕН НИКОЛАЕВИЧ:

Пусть войдут! «Просят» они, скажет тоже!

Входят заведующие отделами и, закрыв за собой дверь, останавливаются на пороге.

СЕМЕН НИКОЛАЕВИЧ (улыбаясь):

Вы чего как не родные? Проходите, садитесь!

Мужчины проходят, осторожно садятся за стол совещаний, подальше от редактора, и молча смотрят на шефа.

СЕМЕН НИКОЛАЕВИЧ:

Ну, говорите, что случилось?

Виктор Леонидович кидает злобный взгляд на Игоря Степановича и начинает.

ВИКТОР ЛЕОНИДОВИЧ:

А вы не догадываетесь, Семен Николаевич?

СЕМЕН НИКОЛАЕВИЧ:

О чем?

Виктор Леонидович смотрит на Игоря Степановича, но тот сидит, опустив глаза, и молчит.

ВИКТОР ЛЕОНИДОВИЧ:

О том, что под вами закачалось редакторское кресло.

СЕМЕН НИКОЛАЕВИЧ (настороженно):

Это с какой такой стати?

Нависает пауза. Виктор Леонидович буравит глазами Игоря Степановича, но тот упорно делает вид, что его страшно интересует поверхность стола. Тогда Виктор Леонидович набирает в легкие побольше воздуха и решительно восклицает.

ВИКТОР ЛЕОНИДОВИЧ:

Из-за ваших шуточек над голубыми!

Главный редактор облегченно вздыхает и с улыбкой машет рукой.

СЕМЕН НИКОЛАЕВИЧ:

Да ладно. Я думал и правда, что-то случилось...

ВИКТОР ЛЕОНИДОВИЧ (поднимаясь и глядя шефу в глаза):

Говорят, Ванесса сама из их числа и не выносит никаких нападок на собратьев.

Редактор встает, отходит к окну, долго молчит, потом возвращается.

СЕМЕН НИКОЛАЕВИЧ:

Она же сама мне велела его уволить.

ВИКТОР ЛЕОНИДОВИЧ:

Велела, чтобы проверить вашу лояльность. Тест, так сказать. Но вы его благополучно провалили. Поэтому ей пришлось ваши ошибки исправлять.

Виктор Леонидович замолкает, а шеф переводит взгляд на Игоря Степановича.

СЕМЕН НИКОЛАЕВИЧ:

И ты тоже так считаешь?

ИГОРЬ СТЕПАНОВИЧ (подобострастно):

Но не все так страшно, мне кажется.

СЕМЕН НИКОЛАЕВИЧ:

В смысле?

ИГОРЬ СТЕПАНОВИЧ:

Ну, чтобы Ванесса Карловна увидела, что вы... этот, как его... Ну, короче, притворитесь голубым.

СЕМЕН НИКОЛАЕВИЧ:

Что-о-о? Я – потомственный архангельский мужик. Мне даже мысль об этом противна!

ВИКТОР ЛЕОНИДОВИЧ:

Ну, да, конечно! И все это отлично знают! Но Ванесса-то у нас новый человек...

Он испуганно оглядывается на дверь и продолжает шепотом:

ВИКТОР ЛЕОНИДОВИЧ:

А вы знаете, как к ней прислушиваются инвесторы?! Одно ее слово – и вы на улице!

СЕМЕН НИКОЛАЕВИЧ:

Пошли вон!

Мужчины встают и быстро покидают кабинет.

Коридор редакции. Игорь Степанович дрожащими руками закуривает сигарету.

ИГОРЬ СТЕПАНОВИЧ:

Говорил же тебе, не нравится мне эта затея! Что теперь будет?

ВИКТОР ЛЕОНИДОВИЧ:

Поживем, увидим!

Он подмигивает коллеге и скрывается за дверь своего кабинета. А Игорь Степанович продолжает судорожно курить, поглядывая на сотрудников, снующих по коридору.

Магазин. Ивана и Марию встречает празднично украшенный зал, несколько столов со всякой вкуснотой и дорогими бутылками, вокруг которых толпится явно богатая публика.

МАРИЯ ТУЛЬСКАЯ (испуганно пятясь):

Вау!

И в нерешительности останавливается на пороге. Иван оборачивается.

ИВАН ЛЕВИЦКИЙ:

Ты чего застыла?

МАРИЯ ТУЛЬСКАЯ:

Мы с тобой, как белые вороны, в джинсах.

ИВАН ЛЕВИЦКИЙ:

Мань, хорош комплексовать! Мы – крутые журналюги!

Он берет Марию под руку и ведет внутрь зала. Им навстречу со сладкой улыбкой направляется толстый лысый мужчина.

МУЖЧИНА:

Что-то мне подсказывает, что вы из «Питер лайф»?

ИВАН ЛЕВИЦКИЙ:

Похоже, что так!

МАРИЯ ТУЛЬСКАЯ (улыбаясь):

Корреспондент Мария Тульская.

ИВАН ЛЕВИЦКИЙ:

А я – фотокор Иван Левицкий!

Мужчина артистично склоняет голову в поклоне.

МУЖЧИНА:

А меня зовут Казимир Альбертович! Я – управляющий этим магазином.
Прошу к столу!

МАРИЯ ТУЛЬСКАЯ (смущенно):

Да, нет, спасибо, мы перекусили.

ИВАН ЛЕВИЦКИЙ:

Да что мы там перекусили?!

Он бросает на Марию недоброжелательный взгляд и направляется к тому столу, где стоят бутерброды с красной и черной икрой и коньяк. Мария оглядывается на управляющего, он ободряюще улыбается и, взяв ее под руку, ведет туда, где Иван уже наливает в хрустальный бокал благородную жидкость.

КАЗИМИР АЛЬБЕРТОВИЧ:

Я вас оставлю на минутку!

Он деликатно раскланивается и идет вглубь магазина. Мария присоединяется к Ивану.

МАРИЯ ТУЛЬСКАЯ:

А я подумала, он – хозяин!

Мария довольно улыбается, доедая второй бутерброд с черной икрой, и с интересом разглядывает зал. Вдоль стеллажей с одеждой ходят несколько шикарных дам. Другие сидят в креслах и, попивая напитки, о чем-то оживленно беседуют.

ИВАН ЛЕВИЦКИЙ:

А какая разница?!

МАРИЯ ТУЛЬСКАЯ:

Как? Ты что, не знаешь? Это же Ванессин брат! У него в Питере несколько таких магазинов, еще сеть ресторанов «Стрит фуд» или что-то в этом роде...

ИВАН ЛЕВИЦКИЙ:

О как?! Владельцы газет, пароходов!

Он качает головой и подливает еще коньяку.

МАРИЯ ТУЛЬСКАЯ:

Вань, перестань пить, тебе же снимать!

Ни слова не говоря, Иван выпивает, закусывает лимончиком и начинает распаковывать аппаратуру. В это момент к ним снова подходит управляющий и, потирая пухлые ручки, спрашивает:

КАЗИМИР АЛЬБЕРТОВИЧ:

Ну, что, начнем? Вы готовы, Мария?

МАРИЯ ТУЛЬСКАЯ:

Я всегда готова.

Она достает маленький диктофон и, вопросительно глядя на управляющего, уточняет:

МАРИЯ ТУЛЬСКАЯ:

Может, вам удобнее разговаривать в кабинете?

КАЗИМИР АЛЬБЕРТОВИЧ (улыбаясь):

Нет, я предлагаю начать не с разговоров.

МАРИЯ ТУЛЬСКАЯ:

Ну, хорошо, давайте пройдемся по залам!

КАЗИМИР АЛЬБЕРТОВИЧ:

И это мы еще успеем сделать!

МАРИЯ ТУЛЬСКАЯ (растерянно):

А что же тогда мы будем делать сейчас?

КАЗИМИР АЛЬБЕРТОВИЧ:

Перевоплощаться!

ИВАН ЛЕВИЦКИЙ:

Забавно! Если не секрет, кого вы собираетесь перевоплощать и в кого?

КАЗИМИР АЛЬБЕРТОВИЧ:

Конечно, Марию! В леди!

ИВАН ЛЕВИЦКИЙ:

Не понял!

Иван так зло смотрит управляющего, что тот шарахается от него.

ИВАН ЛЕВИЦКИЙ (грозно):

То есть, по-вашему, Мария Олеговна выглядит как простолюдинка?

КАЗИМИР АЛЬБЕРТОВИЧ (испуганно):

Да нет, ну, что вы?! Я совсем не это хотел сказать! Вы меня неправильно поняли! Я хотел сказать, что гораздо проще будет написать о магазине, когда вы примерите наши наряды и почувствуете их силу.

Мария смотрит на Казимира Альбертовича с нескрываемым интересом.

МАРИЯ ТУЛЬСКАЯ:

Вы это серьезно?

КАЗИМИР АЛЬБЕРТОВИЧ:

Абсолютно! Одежда, скажу я вам, влияет не только на внешность и настроение человека, но и на его интеллект. Женщины показывают худшие результаты математических тестов, когда они одеты в купальник, чем когда решают задачи в блузке.

ИВАН ЛЕВИЦКИЙ (негромко):

Посмотрел бы я на этого идиота, который придумал такой тест!

КАЗИМИР АЛЬБЕРТОВИЧ:

Хотите, я по вашему наряду скажу, какая вы, Мария?

МАРИЯ ТУЛЬСКАЯ:

Хочу!

ИВАН ЛЕВИЦКИЙ (иронично):

Так вы по совместительству еще и гадалка?

КАЗИМИР АЛЬБЕРТОВИЧ:

Нет, я просто хорошо разбираюсь в одежде и обуви.

Он берет Марию за руку и, слегка крутанув ее как в танце, начинает говорить:

КАЗИМИР АЛЬБЕРТОВИЧ:

Вы склонны к логическому мышлению, раскрепощенности и наличию высокой цели!

ИВАН ЛЕВИЦКИЙ (ухмыляясь):

По каким признакам вы это определили?

КАЗИМИР АЛЬБЕРТОВИЧ (не глядя на Ивана, обращается к Марии):

По обуви без каблуков! А желтый цвет блузки выдает в вас хорошо развитое воображение.

МАРИЯ ТУЛЬСКАЯ:

Ну, надо же! А я всегда думала, что желтый – цвет разлуки.

КАЗИМИР АЛЬБЕРТОВИЧ:

К тому же вы – организованная, рассудительная и ответственная, любите, чтобы у вас все было на своем месте – и в жизни, и в гардеробе.

ИВАН ЛЕВИЦКИЙ (смешно выпучивая глаза):

А об этом что вам по секрету нашептало?

КАЗИМИР АЛЬБЕРТОВИЧ:

Покрой джинсов – они классические!

МАРИЯ ТУЛЬСКАЯ:

А если бы я любила джинсы в обтяжку?

КАЗИМИР АЛЬБЕРТОВИЧ:

Тогда бы я сказал, что вы – несколько закомплексованная особа.

МАРИЯ ТУЛЬСКАЯ:

А с дырками, как сейчас модно?

КАЗИМИР АЛЬБЕРТОВИЧ:

Ну, тут все будет посложнее. Я ограничусь только одной фразой: вы – эпатажная личность, обожаете быть в центре внимания. Но если бы вы спросили меня на занятиях в университете промышленных технологий и дизайна, я бы вам много чего рассказал.

МАРИЯ ТУЛЬСКАЯ (удивленно):

А вы там преподаете?

КАЗИМИР АЛЬБЕРТОВИЧ:

Ну, да, читаю лекции в свободное от работы время. Так вы готовы к перевоплощению?

МАРИЯ ТУЛЬСКАЯ:

Готова!

Мария весело смеется, Казимир Альбертович берет ее под ручку, и они отправляются к стеллажам с одеждой. Иван плетется следом, но очень сильно отставая.

ИВАН ЛЕВИЦКИЙ (себе под нос):

Вот засада! Теперь застрянем до конца рабочего дня!

Из подсобки выходит красивый мужчина в яркой рубашке с шарфиком на шее.

МУЖЧИНА:

Вы не любите красивую одежду?

Иван бросает беглый взгляд на незнакомца и пожимает плечами.

ИВАН ЛЕВИЦКИЙ:

Мне она по барабану, если честно!

МУЖЧИНА:

А я считаю, что одежда – один из главных атрибутов человеческой личности. Одеждой можно многое скрыть.

ИВАН ЛЕВИЦКИЙ (с усмешкой):

О как! Один утверждает, что одежда может раскрыть, второй – что скрыть. Интересные у вас здесь люди работают!

МУЖЧИНА (задумчиво):

Почему мне знакомо ваше лицо? Мы с вами нигде не встречались?

ИВАН ЛЕВИЦКИЙ:

Я бы запомнил... Так что вы там насчет криминальных возможностей прикида?

МУЖЧИНА:

Каких возможностей?

ИВАН ЛЕВИЦКИЙ:

Ну, вы сказали, что одеждой можно многое скрыть!

МУЖЧИНА:

А, да, конечно!

ИВАН ЛЕВИЦКИЙ:

И что же?

МУЖЧИНА:

Например, сексуальную ориентацию... Вспомнил, где я вас видел! В Интернете, вы там танцевали.

ИВАН ЛЕВИЦКИЙ:

Вот блин!.. Вы извините, мне пора работать, я – фотокорреспондент «Питер лайф» Иван Левицкий.

МУЖЧИНА:

А я – Степан Агафонович Павлов – хозяин бутика «Шёнхайт».

На губах хозяина бутика играет ехидная улыбка.

ИВАН ЛЕВИЦКИЙ:

Тем более!

Не прощаясь, Иван поспешно идет к Марии, которая крутится перед зеркалом в шикарном платье, шляпке и модных туфлях на высоченных шпильках. Он идет и фотографирует. Подойдя совсем близко, перестает фотографировать, а просто смотрит на преображенную до неузнаваемости роскошную Марию.

За его спиной восхищенно причмокивает Степан Агафонович.

СТЕПАН АГАФОНОВИЧ:

Вот это персик!

Иван оборачивается и видит, что за ним стоит Степан Агафонович.

ИВАН ЛЕВИЦКИЙ (удивленно):

Это вы про кого сейчас?

СТЕПАН АГАФОНОВИЧ:

Конечно, про красотку в зеленом платье!

И он быстрым шагом направляется к Казимиру Альбертовичу. Тот сидит в кресле и лукаво интересуется у Марии:

КАЗИМИР АЛЬБЕРТОВИЧ:

Ну, а в этом наряде что вы чувствуете?

МАРИЯ ТУЛЬСКАЯ (улыбаясь):

Я совершенно не хочу работать. В этом платье хочется идти по набережной и ловить дуновение теплого летнего ветерка...

СТЕПАН АГАФОНОВИЧ:

...и взгляды очарованных вами мужчин!

Подойдя к Марии, он целует ей руку. Она смущается, отдергивает руку и скрывается за ширмой.

Вскочивший с кресла Казимир Альбертович вопросительно смотрит на шефа.

СТЕПАН АГАФОНОВИЧ:

Кто это милое создание?

КАЗИМИР АЛЬБЕРТОВИЧ:

Корреспондентка «Питер лайф» Мария Тульская.

СТЕПАН АГАФОНОВИЧ:

Милашка!

Квартира главного редактора Семена Николаевича. Утро.

Хмурый Семен Николаевич сидит за столом, завтракает. Его жена Полина Матвеевна – напротив.

ПОЛИНА МАТВЕЕВНА (грустно):

Я всю ночь не спала...

Семен Николаевич продолжает пить чай и есть бутерброд. Жена опускает голову, некоторое время молчит и снова грустным голосом говорит.

ПОЛИНА МАТВЕЕВНА:

Если тебя уволят, наши дети не смогут посещать элитную школу, и дом в пригороде тоже махнет нам ручкой.

СЕМЕН НИКОЛАЕВИЧ (грубо):

Что ты ко мне привязалась?

ПОЛИНА МАТВЕЕВНА (обиженно):

Я не привязалась. Я просто констатирую факты.

СЕМЕН НИКОЛАЕВИЧ:

Ну, хорошо, констатируешь, а дальше что?

ПОЛИНА МАТВЕЕВНА (хмуро):

Что, что? Сам знаешь, что!..

СЕМЕН НИКОЛАЕВИЧ (зло):

Где дети? Почему не идут завтракать?

ПОЛИНА МАТВЕЕВНА:

Сегодня воскресенье, дай им по-человечески поспать!

Некоторое время супруги едят молча. Наконец Полина Матвеевна не выдерживает.

ПОЛИНА МАТВЕЕВНА:

В общем, так, сейчас поедим и поедим в торговый центр покупать тебе соответствующую одежду.

Семен Николаевич никак не реагирует.

Магазин одежды. Из примерочной выходит Семен Николаевич, одетый в красные обтягивающие брюки. Рубашку в цветочек дополняет зеленый шелковый платок, кокетливо завязанный на шее. Во всей этой одежде грузное тело главного редактора выглядит карикатурно.

Некоторое время жена смотрит на него с ужасом.

ПОЛИНА МАТВЕЕВНА:

Когда ты успел отрастить такой выдающийся зад?

Семен Николаевич обиженно кривится и уходит в примерочную. Полина Матвеевна, глядя ему вслед, задумчиво качает головой.

ПОЛИНА МАТВЕЕВНА (обреченно):

Если вашему мужу с номера "Вадим Николаевич" пришла СМСка: "Милый, я скучаю" - это не значит, что у него есть любовница. Возможно, это значит, что лучше бы у него была любовница.

Она делает несколько шагов по направлению к примерочной, останавливается.

В это время появляется главный бухгалтер редакции Вера Ивановна.

ВЕРА ИВАНОВНА:

Здравствуйте, Полина Матвеевна. Кого-то ждете?

ПОЛИНА МАТВЕЕВНА:

Ну, да, Семен Николаевича...

ВЕРА ИВАНОВНА:

Новый костюм покупаете?

ПОЛИНА МАТВЕЕВНА (смущенно):

Что-то типа того...

ВЕРА ИВАНОВНА:

Ну, правильно, а то у нас в редакции новая концепция...

ПОЛИНА МАТВЕЕВНА:

Новая что?

ВЕРА ИВАНОВНА (вздыхая):

Концепция, говорю, новая.

В это время из примерочной выходит Семен Николаевич в сиреновой рубашке с желтой бабочкой и зеленых джинсах.

Вера Ивановна растерянно смотрит то на редактора, то на Полину Матвеевну. Полина Матвеевна, смущенно улыбаясь, пожимает плечами, а Семен Николаевич, ни слова не говоря, скрывается за ширмой.

ВЕРА ИВАНОВНА:

Очень интересная концепция...

ПОЛИНА МАТВЕЕВНА (чуть не плача):

Вы что-то сказали?

ВЕРА ИВАНОВНА (натянута улыбаясь):

Я говорю, очень современный наряд... выбрал Семен Николаевич. Он в этом на работу будет ходить?

ПОЛИНА МАТВЕЕВНА (осторожно):

А что, вам не нравится?

ВЕРА ИВАНОВНА:

Ну, что вы? Очень, очень ...нравится. Я просто... в восторге.

...Стесняюсь спросить, у вас в семье все в порядке?

ПОЛИНА МАТВЕЕВНА (испуганно):

А что?

ВЕРА ИВАНОВНА (смущенно):

Ну, может, Семен Николаевич тоже...

ПОЛИНА МАТВЕЕВНА (округляя глаза):

Что – тоже?

ВЕРА ИВАНОВНА (оглядываясь на примерочную):

Ну, типа того...

ПОЛИНА МАТВЕЕВНА:

Чего того?

ВЕРА ИВАНОВНА:

Да это я так... простите. У нас в редакции сейчас столько всего происходит, голова кругом!

ПОЛИНА МАТВЕЕВНА:

Что происходит?

ВЕРА ИВАНОВНА:

Ой, Господи, что это я?! Меня же ждут. Простите ради Бога! Нужно бежать... До свидания, Полина Матвеевна!

И убегает. В это время появляется главный редактор в своей обычной одежде.

СЕМЕН НИКОЛАЕВИЧ:

Наряжаться, как пугало, я не буду, хоть убей!

Быстрый шагом он идет к выходу.

Кухня коммунальной квартиры, где живет Иван. Середина дня. У плиты готовит Иришка, симпатичная молодая женщина.

Входит Вальдемар, ставит на плиту турку с водой, засыпает кофе и начинает ждать, когда закипит.

ИРИШКА:

Ну, как у тебя дела? Скоро начнутся съемки?

ВАЛЬДЕМАР (грустно):

Если б я знал. Какие-то проблемы с инвестором. А ты, голуба, чего не на работе?

ИРИШКА:

А у меня, Вальдемарчик, законный выходной. Сын в садике, муж на работе – красота! Вот стою и прикидываю, получится к своему дню рождения купить обновку или нет.

ВАЛЬДЕМАР:

А что тебе мешает?

ИРИШКА:

Да как тебе сказать?! Деньги, которые получает муж, мы тратим на текущие расходы, а мою зарплату копим на квартиру. Чтобы купить приличную вещь, мне нужно очень жестко экономить. Поэтому я больше склоняюсь к бесподарочной днюхе.

ВАЛЬДЕМАР:

Понятно.

Некоторое время они стоят молча.

ВАЛЬДЕМАР:

Кстати, ты обратила внимание, как тарашится на твоего Серегу соседка Катька?

ИРИШКА (недовольно):

Ну, тарашится, а мне-то что?

ВАЛЬДЕМАР (картинно закатывая глаза):

Как это «что»? Уведет мужика, будешь локти кусать, голуба моя!

ИРИШКА:

А что делать?

ВАЛЬДЕМАР:

Ну ты, мать, даешь! Мужиков надо все время удивлять, а лучше вообще шокировать. Как тигров. Чтобы вздрагивали, рычали и кидались... Ты уж прости, Ирэн, но рычать и кидаться в твоём случае не на что!

Он брезгливо окидывает взглядом Иришкин домашний халат и заключает:

ВАЛЬДЕМАР:

Прикид классической курицы!

ИРИШКА (обиженно):

Он тоже не в бабочке по дому ходит!

ВАЛЬДЕМАР:

Пусть ходит! А ты не имеешь права!

ИРИШКА (сердито):

Ну, хватит, перестань! Это – не главное в семейной жизни!

ВАЛЬДЕМАР:

А что главное?

ИРИШКА:

Ну, не знаю... Но если он меня разлюбит, тут уж ничего не поделаешь.

ВАЛЬДЕМАР (снимая турку с плиты):

Полюбит-разлюбит! Отношения между людьми, голуба моя, стоят на трех буквах «С»: сытость, секс и страх.

ИРИШКА (удивленно):

Это что значит?

ВАЛЬДЕМАР:

Мужика должны вкусно кормить, ему должно быть кайфово, и он должен бояться все это потерять.

ИРИШКА:

Ну, с двумя первыми «С» мне все ясно, а как инициировать страх?

ВАЛЬДЕМАР:

Тебя должны хотеть другие мужики!

ИРИШКА (пробующая суп, поперхнувшись):

Ну, ты загнул!

ВАЛЬДЕМАР:

Глаза не красишь, духи... когда они у тебя кончились?

ИРИШКА (улыбаясь):

Ты лучше спроси, когда они у меня были. Но ты же знаешь, косметика дорогая...

ВАЛЬДЕМАР:

О, боже! Ирэн! Если у сына состарятся башмаки, ты найдешь деньги?

ИРИШКА:

Ну, ты сравнил!

ВАЛЬДЕМАР:

А тут и сравнивать нечего! Если ты (тьфу, тьфу, тьфу!) потеряешь мужа, значит, Ванечка лишится отца. А что для него важнее – новые башмаки или любимый папка?

Разговор прерывает Иван, который влетает на кухню с кучей пакетов.

ИВАН ЛЕВИЦКИЙ:

Привет, соседи!

Он принимается активно вытаскивать продукты.

ИРИШКА:

Ты чего такой взъерошенный?

ИВАН ЛЕВИЦКИЙ (радостно):

У меня сегодня праздник! Сын придет в гости. Сейчас буду готовить котлеты с пюрешкой.

ВАЛЬДЕМАР (кокетливо):

Ой, обожаю котлетки, тем более с пюрешкой. Можно я к вам зарулю, когда вернусь с пробежки?

ИВАН ЛЕВИЦКИЙ (улыбаясь):

Конечно, заруливай! Я много делаю, всем хватит.

Вальдемар удаляется, прихватив турку с кофе, а Иван начинает кашеварить.

Комната Ивана. Вечер. Входит сын Ивана Влад. У него под глазом фингал.

ИВАН ЛЕВИЦКИЙ (испуганно):

Это что такое?

ВЛАД (плюхаясь на диван):

Забей!.. Как же давно я у тебя не был!

ИВАН ЛЕВИЦКИЙ:

Полгода уже!

Иван раскладывает еду по тарелкам, а сам тревожно поглядывает на сына. А тот поднимается с дивана, подходит к аквариуму и начинает с улыбкой наблюдать за рыбками.

ВЛАД:

Я смотрю, ты меченосцев завел!

ИВАН ЛЕВИЦКИЙ:

Было дело!.. Так что же все-таки произошло? Подрался?

ВЛАД:

Угу!

ИВАН ЛЕВИЦКИЙ:

Если не секрет, из-за чего?

ВЛАД:

Из-за тебя!

ИВАН ЛЕВИЦКИЙ:

Не понял!

ВЛАД:

А что тут понимать?!

Он отходит от аквариума и садится за стол.

ВЛАД:

Ты же теперь у нас звезда! Ну и я, соответственно, тоже... раз у меня такой отец.

Иван дергается сказать, но останавливается.

ВЛАД:

Школа разделилась на два лагеря – одни считают тебя героем, что не постеснялся открыто заявить о своей ориентации..., другие (в том числе наша класснуха) говорят, что ты... ну, и я соответственно... – позор школы. Класснуха сказала, что таких, как я, нужно отчислять, чтобы не подавали дурной пример нормальным детям. Прихвостни заржали, ну, я и врезал тому, кто был ближе всех... Дальше все ясно!

ИВАН ЛЕВИЦКИЙ:

Слушай, Влад, я должен тебе сказать, что все, что ты увидел в Интернете...

В комнату без стука влетает запыхавшийся Вальдемар. У него в руках коробка с тортом и бутылка шампанского.

ВАЛЬДЕМАР:

Слава Богу, не опоздал! Здравствуйте, мальчики!

Он кокетливо стреляет глазами в сторону сына Ивана, ставит коробку с тортом и протягивает Владу руку.

ВАЛЬДЕМАР:

Это, как я понимаю, Владлен! Рад знакомству, Иван много про тебя рассказывал! А я – Вальдемар! Ближайший сосед и друг твоего отца! Как хорошо, что вы еще не начинали. Ванюша, неси скорей бокалы, а я пока открою шампусик!

Влад сильно удивлен и следит за каждым движением Вальдемара. Тот старательно пытается открыть шампанское, но у него ничего не получается. Наконец, он не выдерживает и хнычет:

ВАЛЬДЕМАР:

Ваню-ю-юш, нужна твоя помощь!

ИВАН ЛЕВИЦКИЙ:

Я сейчас.

Иван возвращается к столу с двумя бокалами.

ВЛАД (удивленно):

Почему два?

ИВАН ЛЕВИЦКИЙ:

Так тебе еще рано!

Сын смотрит на него с таким укором, что он идет за третьим.

Шампанское открыто, разлито. Вальдемар встает и произносит тост:

ВАЛЬДЕМАР:

Пусть в нашей жизни будут только те люди, за которых хочется выпить, а не те, из-за кого хочется напиться!

Комната жены Ивана Светланы. Ночь. В комнату матери входит Влад.

ВЛАД:

Мам, вы с отцом развелись из-за того, что он – гомик?

СВЕТЛАНА (дергаясь, как от удара):

Ты сбрендил?

Влад пожимает плечами, усаживаясь в кресло.

ВЛАД:

Да ладно тебе, я все знаю!

СВЕТЛАНА:

Что ты знаешь?

ВЛАД:

Все!

СВЕТЛАНА:

Слушай, Влад, прекрати говорить загадками! И скажи, что у тебя с лицом?

ВЛАД:

Какие загадки, мам, я тебе прямым текстом говорю: «Мой отец – гомосексуалист!»

СВЕТЛАНА:

Господи! Ну что ты несешь? Подумай сам! Если бы это было так, откуда бы тогда появился ты?

ВЛАД:

Вот и я о том же! Может, ты родила меня от соседа?

СВЕТЛАНА:

Так, стоп! Думай, с кем разговариваешь!

ВЛАД:

Ну, ладно, подожди минутку!

Влад уходит в свою комнату. А Светлана достает валерьянку, наливает из графина воду, выпивает таблетку.

СВЕТЛАНА:

Как я могла так настроить сына против отца? Идиотка!

Тем временем Влад вносит работающий ноутбук, нажимает несколько клавиш, и на экране появляется танцующий в гей-клубе Иван.

Мать некоторое время ошарашено смотрит, потом поднимает глаза на сына и с криком «Этого не может быть!» выбегает из комнаты.

Она бросается в коридор, достает из кармана сотовый телефон и набирает номер Ивана.

СВЕТЛАНА:

Привет. Ты сейчас свободен?

ИВАН ЛЕВИЦКИЙ:

А что случилось?

СВЕТЛАНА:

Я должна с тобой поговорить.

ИВАН ЛЕВИЦКИЙ:

Прямо сейчас? Ночь на дворе!

СВЕТЛАНА:

Прямо сейчас!

ИВАН ЛЕВИЦКИЙ:

Ну, приезжай!

Светлана быстро одевается и выбегает из квартиры.

Комната Ивана. Ночь. Стук в дверь.

ИВАН ЛЕВИЦКИЙ:

Входи!

В комнату входит Светлана.

СВЕТЛАНА:

Что это за шизоидные выходки?

ИВАН ЛЕВИЦКИЙ:

Ты о чем?

СВЕТЛАНА:

О гей-клубе!

В этот момент без стука в дверь входит Вальдемар и в нерешительности останавливается.

ВАЛЬДЕМАР:

Пардон! Я только на минуточку. Ты купил то, о чем я просил?

ИВАН ЛЕВИЦКИЙ:

Конечно, купил!

ВАЛЬДЕМАР:

Спасибо, котик, ты такой милый! Чмоки! Зайду, когда освободишься!

Вальдемар выходит, одарив Светлану равнодушным взглядом.

Некоторое время она тупо смотрит на дверь, за которой скрылся Вальдемар, а потом плюхается на стул, стоящий возле двери.

СВЕТЛАНА:

Так, значит, это правда...

ИВАН ЛЕВИЦКИЙ (холодно):

Нет, это неправда! Я сильно тогда напился... А Вальдемар просто мой сосед.

Светлана долго и пристально вглядывается в лицо бывшего мужа, а потом облегченно вздыхает.

СВЕТЛАНА:

Значит, завтра же позвонишь сыну и скажешь, что ты – не голубой.

ИВАН ЛЕВИЦКИЙ:

И не подумаю!

СВЕТЛАНА:

Что? Как ты можешь?

ИВАН ЛЕВИЦКИЙ:

Могу! Ты в курсе, что он за меня сегодня дрался с одноклассниками? Понимаешь? За меня, о ком он полгода даже не вспоминал! Ему захотелось быть рядом со мной!

СВЕТЛАНА:

Твой эгоизм мне понятен, но ты подумай о сыне. Он будет расти с чувством, что в его генах течет голубая кровь. Ты представляешь, к чему это может привести?

ИВАН ЛЕВИЦКИЙ (тихо):

Он сегодня пил со мной шампанское.

СВЕТЛАНА:

Что-о-? Он же еще ребенок! Ты с ума сошел! Мало того, что делаешь из него гомика, так еще и спаиваешь! Ну, знаешь!

ИВАН ЛЕВИЦКИЙ:

Никто никого никем не делает! Просто парню сейчас очень нужен отец! Голубой, не голубой, но отец! И если он будет мне доверять, я смогу всегда быть рядом и помогу ему стать нормальным человеком! А теперь прошу покинуть мой дом, я устал и хочу спать.

Светлана порывается еще что-то сказать, но Иван открывает дверь и ждет. Тогда она поднимается и молча выходит из комнаты.

Кабинет Ивана в редакции. Заглядывает системный администратор Игорек.

ИГОРЕК:

Одолжите кофе, у нас кончился, а я прямо засыпаю при сегодняшней погоде.

Александра достает банку из своего стола и подает ее Игорьку. Он берет и неожиданно замечает:

ИГОРЕК:

А вы знаете, что погода влияет даже на половую жизнь людей?

Лидия Ивановна, Александра и Иван удивленно смотрят на Игорька.

ИГОРЕК:

Когда сильный ветер, мы с женой всегда ссоримся.

ИВАН ЛЕВИЦКИЙ (делая нарочито серьезное лицо):

Это понятно! Когда сильный ветер и страшно колеблется атмосферное давление, дырявые тапочки жены раздражают больше всего. И уж какой тут секс?!

ИГОРЕК (обиженно):

У моей жены нет дырявых тапочек... В пасмурный день даже самый маленький негатив воспринимается болезненно. Тут-то в целях защиты организм посылает сигналы о потребности получения удовольствия, поэтому люди могут испытывать невероятное сексуальное влечение.

АЛЕКСАНДРА:

Вот тебе раз! Ты только что говорил, что вы ссоритесь с женой!

ИГОРЕК:

Когда ветер, а не когда пасмурно. Просто вы меня не дослушали!

АЛЕКСАНДРА (хихикая):

Тогда почему ты сегодня засыпаешь, а не возбуждаешься?

ИГОРЕК:

Потому что нет рядом объекта вожделения!

АЛЕКСАНДРА:

О, да ты знаток! Теперь по всем сексуальным вопросам я буду обращаться только к тебе!

ИГОРЕК:

Я не против!

Иван подходит к окну, открывает его и столбенеет.

ИВАН ЛЕВИЦКИЙ:

Я что-то не понял, почему это Маня садится в Мерседес этого, даже не знаю, как его назвать, хозяйского братка?

ЛИДИЯ МИХАЙЛОВНА:

А ты не знал? Вся редакция только об этом и говорит!

ИВАН ЛЕВИЦКИЙ:

О чем «об этом»?

АЛЕКСАНДРА (радостно):

О том, что у Манечки роман! И, похоже, там все серьезно.

ИВАН ЛЕВИЦКИЙ (брезгливо):

С этим индюком?

АЛЕКСАНДРА:

Никакой он не индюк! Очень даже симпатичный дядечка. Всегда конфетами угощает.

ИВАН ЛЕВИЦКИЙ:

Да что в нем симпатичного? Душится как баба, шарфик этот дурацкий под рубашкой! Педик, блин, престарелый!

Женщины прыскают.

ЛИДИЯ МИХАЙЛОВНА:

Чья бы корова мычала!

ИВАН ЛЕВИЦКИЙ:

Слушайте, барышни, вы меня уже достали, ясно вам?

Хлопнув дверью, он выбегает из кабинета.

АЛЕКСАНДРА (удивленно):

Что это с ним?

ЛИДИЯ МИХАЙЛОВНА:

Понятия не имею!

Ресторан. Мария со Степаном Агафоновичем входят в зал, и тут же им начинают махать из самого дальнего угла.

МАРИЯ ТУЛЬСКАЯ (обрадовано):

О, Казимир Альбертович! Присоединимся?

Видно, что Степану Агафоновичу эта идея не нравится, но он обреченно пожимает плечами.

СТЕПАН АГАФОНОВИЧ:

Давай, присоединимся.

И они идут к столику, за которым сидит Казимир Альбертович с двумя женщинами и мужчиной.

КАЗИМИР АЛЬБЕРТОВИЧ:

Со Степаном Агафоновичем всех присутствующих знакомить не надо, а вот Марии я представляю свою жену Ирину и наших друзей – Верочку с Игорем. А это...

Казимир Альбертович вопросительно смотрит на Степана Агафоновича. Но того опережает Мария.

МАРИЯ ТУЛЬСКАЯ:

... корреспондент портала «Питер лайф» Мария Тульская.

Рассаживаются.

КАЗИМИР АЛЬБЕРТОВИЧ (торжественно):

У Верочки с Игорем сегодня юбилей, 10 лет совместной жизни!

МАРИЯ ТУЛЬСКАЯ (чуть смущенно):

Поздравляю!

СТЕПАН АГАФОНОВИЧ (иронично):

10 лет? Сочувствую!

ВЕРОЧКА (удивленно):

Кому?

СТЕПАН АГАФОНОВИЧ (улыбаясь):

Обоим!

ИГОРЬ:

Это почему же?

СТЕПАН АГАФОНОВИЧ:

Потому что, как я слышал, в браке уже через три года совместной жизни от любви не остается и следа.

Жена Казимира Альбертовича Ирина внимательно смотрит на Степана Агафоновича.

ИРИНА:

А без брака?

Степан Агафонович старательно отводит взгляд от жены Казимира Альбертовича.

СТЕПАН АГАФОНОВИЧ:

А без брака варианта два: либо она длится вечно, либо исчезает как туман. Все зависит от обстоятельств.

КАЗИМИР АЛЬБЕРТОВИЧ:

Война войной, а обед по расписанию. Мы уже заказали мясо по-бургундски, сырное фондю, салатки. Вы как?

СТЕПАН АГАФОНОВИЧ:

Отличный выбор!

Мария поднимает бровь, явно недовольная поведением своего кавалера, который не посоветовался с ней, но ничего не говорит. А Степан Агафонович в ее сторону не смотрит.

Казимир Альбертович жестом подзывает официанта, проходящего мимо.

КАЗИМИР АЛЬБЕРТОВИЧ:

Нам, пожалуйста, еще два раза то же самое, что мы уже заказали, два бокала и бутылку коньяка.

Официант кивает и буквально через пару минут приносит бокалы и коньяк.

Разливают. Казимир Альбертович встает.

КАЗИМИР АЛЬБЕРТОВИЧ:

За любовь, которая, несмотря ни на что, своей крепкой рукой держит союз этих двух замечательных людей долгие годы!

Все выпивают и закусывают лимоном. Игорь с Казимиром Альбертовичем закуривают.

Жена Казимира Альбертовича Ирина тоже берет в руки сигарету и жестом просит Степана Агафоновича помочь прикурить. Он достает зажигалку, щелкает.

ИРИНА (многозначительно глядя на Степана Агафоновича):

А что делать, если любовь прошла?

Верочка с Игорем, переглянувшись, кидают взгляды на Казимира Альбертовича. Тот смотрит на жену испуганно.

КАЗИМИР АЛЬБЕРТОВИЧ:

Ну, ты, мать, даешь!

ИРИНА (пожимая плечами):

А что, разве так не бывает? Живут люди вместе, с виду хорошая, благополучная семья, а на самом деле муж не просто раздражает жену, иногда он ее прямо бесит. Это что, значит, нужно разводиться? Ведь нельзя вернуть былые чувства, если они исчезли?

Все это она говорит, не сводя влюбленных глаз со Степана Агафоновича. Казимир Альбертович уже с ужасом смотрит на жену. А Степан Агафонович достает сигареты, зажигалку, закуривает, старательно делая вид, что ничего особенного не замечает. За столом воцаряется тишина.

Мария переводит недоуменный взгляд с одного на другого, а потом, усмехнувшись, спрашивает, обращаясь к Казимиру Альбертовичу.

МАРИЯ ТУЛЬСКАЯ:

А была любовь-то? Или отношения строились на одной только влюбленности?

Казимир Альбертович растерянно смотрит на жену. Она тяжело вздыхает.

ИРИНА:

Кто же теперь это может сказать?

ВЕРОЧКА:

Любовь, влюбленность – какая разница?

МАРИЯ ТУЛЬСКАЯ:

Разница есть. Влюбленность – это специфическое, сексуально ориентированное переживание. Оно может моментально улетучиться, как только страсть будет удовлетворена.

ИРИНА (иронично):

А любовь – это глубокое красивое чувство, ничего общего не имеющее с сексом?

МАРИЯ ТУЛЬСКАЯ:

Ну, почему же? Влюбленность – это первый этап и составляющая любви. Но если ей все ограничивается, тогда на отношениях можно ставить крест. Как утверждают психологи, бесконечной влюбленности не существует.

ИРИНА:

А бесконечная любовь, значит, существует?

МАРИЯ ТУЛЬСКАЯ:

Ну, не знаю. Мои родители вместе уже 40 с лишним лет и, мне кажется, счастливы.

ИГОРЬ (раздраженно):

Я вас умоляю. Что мы, подростки прыщавые? Поговорить, что ли, больше не о чем?

ВЕРОЧКА:

А что тебе не нравится?

ИГОРЬ:

Да чушь собачья – разглагольствовать о любви, прожив много лет в браке.

ВЕРОЧКА:

Ты так считаешь? А когда это, по-твоему, уместно? Пока штамп в паспорте нет?

ИГОРЬ:

Причем здесь штамп в паспорте?!

Он наливает себе коньяку и выпивает.

ВЕРОЧКА:

Вот именно – не причем! Некоторые женятся и без любви, и без влюбленности, исключительно по расчету. Богатая жена, знаете ли, это покруче любой страсти! Да, Игореша?

В этот момент официант приносит заказ, расставляет блюда. Народ отвлекается от разговора. Разливают коньяк. Игорь встает и произносит тост, виновато глядя на свою жену.

ИГОРЬ:

За то, чтобы мы никогда не раздражали наших жен!

Все чокаются, выпивают и налегают на еду. Только жена Казимира Альбертовича, не притронувшись к еде, курит, буравя глазами Степана Агафоновича.

ИРИНА:

А что делать с ненужной любовью?

Степан Агафонович испуганно переводит глаза с Казимира Альбертовича на Марию... Явно расстроенный Казимир Альбертович наливает полный бокал коньяку и залпом выпивает.

В это время Марии звонит телефон. Она берет трубку.

ГОЛОС ИВАНА ЛЕВИЦКОГО:

Не думал, что ради денег ты готова на все, кукла Барби!

Мария резко отключается и отрешенно смотрит на сидящих за столом.

МАРИЯ ТУЛЬСКАЯ:

А ненужную любовь нужно давить, как таракана. Чтобы не думал, что он – пуп Земли! Потому что даже самый распоследний педик мнит себя крутым мачо, когда уверен, что его любит женщина!... Прошу прощения, мне нужно идти!

Она вскакивает, хватается сумочку и выбегает из зала. Оставшиеся ошарашенно смотрят ей вслед.

Коридор квартиры Люськи. Зареванная Люська открывает дверь и впускает Марию Тульскую.

МАРИЯ ТУЛЬСКАЯ:

Что случилось?

ЛЮСЬКА:

Я выгнала своего Борюндю.

И она раздражается рыданиями. Не обращая внимания на плачущую подругу, Мария стаскивает с себя куртку, шапку, снимает сапоги.

МАРИЯ ТУЛЬСКАЯ:

А дети где?

ЛЮСЬКА (сквозь слезы):

У мамы.

МАРИЯ ТУЛЬСКАЯ:

Отлично!

Она берет подругу за плечи, ведет в комнату, усаживает на диван и, обнимая, качает, как ребенка. Люська потихоньку затихает.

МАРИЯ ТУЛЬСКАЯ:

Я только одного не могу понять, чего ты ревешь, если сама выгнала мужа!

ЛЮСЬКА:

Жалко-о-о!

И начинает рыдать с новой силой.

МАРИЯ ТУЛЬСКАЯ:

Кого?

ЛЮСЬКА:

Его-о-о-о!

МАРИЯ ТУЛЬСКАЯ:

Ну, ты, Люська, и дура! Чего его жалеть? Он, что, больной, немощный или ему некуда пойти?

ЛЮСЬКА (сквозь слезы):

Он у матери живет!

МАРИЯ ТУЛЬСКАЯ:

Вот видишь! Мамочка всю жизнь мечтала, чтобы он тебя бросил. Сбылась ее голубая мечта!.. Как, кстати, тебе удалось совершить этот подвиг? Ты же всегда говорила, что как подумаешь о разводе, мурашки по коже?

Люська высвобождается из объятий Марии и вытирает слезы.

ЛЮСЬКА:

Сама не знаю. Случайно как-то вышло. Я купила колготки, черные, 20 ден. Дорогие очень. Но что, я себе на колготки не зарабатываю?!

И она снова начинает рыдать.

МАРИЯ ТУЛЬСКАЯ:

Конечно, зарабатываешь, ты в два с лишним раза больше твоего Борюндика зарабатываешь! Только причем здесь колготки?

ЛЮСЬКА:

Так с них все и началось! Он увидел мои новые колготки и говорит: «У нас деньги лишние, что ты себе дорогушие колготки покупаешь?» Я говорю: «А откуда ты знаешь, что они дорогушие?» Он смутился, гад, но не растерялся. «Видел, – говорит, – в магазине... Ты не увиливай от вопроса: зачем тебе новые колготки?» Я говорю: «Ты, что, Максимов, офанарел – такие вопросы задавать: зачем женщине колготки? Носить!» И представляешь, что он мне заявляет: «У тебя есть колготки, зачем тебе еще?» Ну, тут меня и понесло. Жмот проклятый!

Люська достает платок, высмаркивается.

ЛЮСЬКА:

Мань, скажи, разве нормальный мужик такое должен говорить?

МАРИЯ ТУЛЬСКАЯ:

Конечно, не должен! Правильно ты его выгнала! Пошли, чайку поьем!

Мария берет Люську за руку и ведет на кухню.

МАРИЯ ТУЛЬСКАЯ:

До чего ж все-таки, Люська, ты хорошая хозяйка! У меня сроду такой чистоты не бывает!

Люська не обращает внимание на комплимент. Она уже не плачет, а молча смотрит в пол.

Мария включает электрический чайник, открывает холодильник.

МАРИЯ ТУЛЬСКАЯ:

У тебя, что, ни сыра, ни колбасы нет, с чем бутерброды делать?

ЛЮСЬКА:

Борюндя считает, что сыр с колбасой слишком дорого, достаточно масла.

МАРИЯ ТУЛЬСКАЯ (разозлившись):

Да-а-а? Ну и козел же твой Борюндя! Какое счастье, что у тебя хватило сил пнуть его под зад!

Она разливает чай по кружкам, нарезает батон, намазывает маслом.

МАРИЯ ТУЛЬСКАЯ:

Ешь давай, а то, небось, целый день голодная.

Люська кивает и берет в руки бутерброд. Какое-то время они молча пьют чай.

ЛЮСЬКА:

У тебя-то как дела?

МАРИЯ ТУЛЬСКАЯ:

Да как тебе сказать? Степан замуж предлагает.

ЛЮСЬКА:

А ты что?

МАРИЯ ТУЛЬСКАЯ:

А я его не люблю. Да и он, похоже, меня тоже не любит.

ЛЮСЬКА (удивленно):

Это как? Замуж зовет, а любить не любит?

МАРИЯ ТУЛЬСКАЯ:

Представь себе! Мне кажется, он обыкновенный бабник, который решил, что ему пора жениться. Женится и продолжит гулять.

ЛЮСЬКА:

С чего ты это взяла?

МАРИЯ ТУЛЬСКАЯ:

Да так, есть у меня подозрения. И вообще...

ЛЮСЬКА:

Понимаю! Левицкого своего все никак забыть не можешь?

МАРИЯ ТУЛЬСКАЯ:

Не могу! И, знаешь, не могу отделаться от чувства, что никакой он не педик, а нормальный мужик.

В кафетерии сидит Иван и в одиночку обедает. К нему с подносом, наполненным едой, подходит главный редактор Семен Николаевич.

СЕМЕН НИКОЛАЕВИЧ (весело):

Ты не возражаешь, если я устроюсь за твоим столом?

ИВАН ЛЕВИЦКИЙ:

Садитесь.

СЕМЕН НИКОЛАЕВИЧ:

Спасибо.

Он начинает ставить на стол тарелки с едой и кокетливо замечает.

СЕМЕН НИКОЛАЕВИЧ:

Обожаю сладкое!

Иван смотрит на шефа и натянуто улыбается.

СЕМЕН НИКОЛАЕВИЧ:

Я давно хотел с тобой вот так неформально поговорить, да все как-то не получалось.

Он нервно отхлебывает кофе и продолжает.

СЕМЕН НИКОЛАЕВИЧ:

Ты прости меня за то, что смалодушничал тогда. Испугался Ванессы. А ведь мы с тобой столько лет бок о бок.

ИВАН ЛЕВИЦКИЙ:

Да ладно вам, Семен Николаевич, с кем не бывает! Я уж давно все забыл.

СЕМЕН НИКОЛАЕВИЧ:

Правда? Вот это хорошо, вот это правильно!

Он достает платок и вытирает вспотевший лоб и некоторое время молча смотрит на Ивана.

СЕМЕН НИКОЛАЕВИЧ:

Я ведь тебя очень люблю... то есть уважаю и ценю.

Снова – пауза, Иван ест, стараясь не смотреть на шефа, а тот не сводит с него глаз.

Наконец, смущенный пристальным взглядом начальника, фотокор не выдерживает.

ИВАН ЛЕВИЦКИЙ:

Что с вами, Семен Николаевич?

СЕМЕН НИКОЛАЕВИЧ:

Да, так, ничего...

Он принимается за еду. Но потом снова смотрит на Ивана и замирает. Иван тоже перестает есть.

ИВАН ЛЕВИЦКИЙ:

Значит, все-таки увольняете?

СЕМЕН НИКОЛАЕВИЧ:

Да нет, Бог с тобой! Просто я думал, как тебе предложить...

ИВАН ЛЕВИЦКИЙ:

Что предложить?

СЕМЕН НИКОЛАЕВИЧ:

Ну, типа, отметить наше примирение, а? Сходить в баню, например...

Иван округляет глаза.

ИВАН ЛЕВИЦКИЙ:

В баню?!.

СЕМЕН НИКОЛАЕВИЧ:

А что такого?

ИВАН ЛЕВИЦКИЙ:

Да ничего! Просто странно как-то...

Шеф снова вытирает платком вспотевший лоб.

СЕМЕН НИКОЛАЕВИЧ:

Ну так как?

ИВАН ЛЕВИЦКИЙ:

Ну, в принципе, я не против...

СЕМЕН НИКОЛАЕВИЧ (оживленно):

Вот и славненько! Это надо отметить. Ты какое шампанское предпочитаешь? Полусладкое?

ИВАН ЛЕВИЦКИЙ (растерянно):

Шампанское вообще-то – бабский напиток. Я предпочитаю крепкое спиртное.

Семен Николаевич меняется в лице, но берет себя в руки и бежит к стойке. Иван недоуменно смотрит ему вслед.

ИВАН ЛЕВИЦКИЙ (задумчиво):

Вот до чего довела мужика эта чертова Ванесса Карловна! Совсем с катушек съехал.

Семен Николаевич возвращается с графином водки и двумя рюмками.

СЕМЕН НИКОЛАЕВИЧ (радостно):

Вот и я!

Иван грустно смотрит на шефа на него. А тот разливает водку и подает одну рюмку Ивану.

СЕМЕН НИКОЛАЕВИЧ (весело):

Ну, вздрогнули?

Чокаются и выпивают. Иван закусывает, а Семен Николаевич даже не притрагивается к еде.

СЕМЕН НИКОЛАЕВИЧ (осторожно):

Я слышал, ты развелся.

ИВАН ЛЕВИЦКИЙ:

Да уж 5 лет прошло!

СЕМЕН НИКОЛАЕВИЧ:

Надо же?! Если не секрет, по чьей инициативе?

ИВАН ЛЕВИЦКИЙ:

По моей... Вы извините, я на минутку!

Иван встает и направляется в сторону туалета.

Семен Николаевич тут же наливает себе еще одну рюмку и тут же выпивает.

Звонит телефон.

СЕМЕН НИКОЛАЕВИЧ (заговорщицки):

Да, дорогая! Сижу в редакционной забегаловке, пью водку с объектом. Хорошо! Целую!

Он наливает себе третью рюмку и выпивает.

СЕМЕН НИКОЛАЕВИЧ (обреченно):

До чего я дошел!.. В страшном сне такое не могло присниться.

Он снова наливает, выпивает и падает на стол.

В это время подходит Иван.

ИВАН ЛЕВИЦКИЙ:

Семен Николаевич, что с вами?

Главный редактор с трудом поднимает голову и удивленно смотрит на Ивана.

СЕМЕН НИКОЛАЕВИЧ (заплетающимся языком):

Я в порядке, в полнейшем порядке.

ИВАН ЛЕВИЦКИЙ:

Сегодня же летучка с Ванессой Карловной! Надо идти.

СЕМЕН НИКОЛАЕВИЧ:

Надо, так надо!

Он пытается встать, но ничего не получается. Иван поднимает его и, придерживая, введет к выходу.

Кабинет главного редактора. За столом для совещаний собрался весь редакционный коллектив. Народ тихо переговаривается, ожидая шефа. Разгневанная Ванесса Карловна ходит из угла в угол.

Дверь распахивается, и в кабинет вваливается Семен Николаевич в обнимку с Левицким. Публика испуганно умолкает.

Иван отпускает главного редактора и занимает свободное место у края стола. Главред, покачнувшись, шлепается рядом.

ВАНЕССА КАРЛОВНА (с ужасом):

Семен Николаевич, ваше место здесь!

СЕМЕН НИКОЛАЕВИЧ:

Ничего, ничего, мне здесь, рядом с Ванюшей, удобнее.

Народ начинает шушукаться.

ВАНЕССА КАРЛОВНА (раздраженно):

Что с вами такое? Вы забыли, что являетесь главным редактором? Или, может, вам уже надоело это кресло?

СЕМЕН НИКОЛАЕВИЧ:

Как это надоело?! Ничего не надоело!

Он встает, но, не удержавшись на ногах, валится на сидящих рядом.

ВИКТОР ЛЕОНИДОВИЧ (весело):

Да он же пьяный!

СЕМЕН НИКОЛАЕВИЧ:

Кто пьяный? Я трезв как стеклышко!

Главный редактор пытается встать, но ему это не удается. Разгневанная Ванесса Карловна покидает кабинет, громко хлопнув дверью.

Спальня главного редактора. Звонит будильник. Степан Николаевич поднимает голову. Он садится, видит, что спал в костюме и, схватившись за голову, стонет.

Входит его жена Полина Матвеевна. В руках у нее стакан с водой и таблетка.

ПОЛИНА МАТВЕЕВНА (хмуро):

На, выпей, алкоголик!

Семен Николаевич безропотно выпивает и, вернув жене пустой стакан, замечает:

СЕМЕН НИКОЛАЕВИЧ:

Я больше в эти игры не играю!

ПОЛИНА МАТВЕЕВНА (удивленно):

Что это значит?

СЕМЕН НИКОЛАЕВИЧ:

А то, что хватит ерундой маяться! Уволят, так уволят! Хотя, может, уже уволили...

Он потирает затылок, скорчившись от боли.

ПОЛИНА МАТВЕЕВНА:

Что ты такое говоришь?

СЕМЕН НИКОЛАЕВИЧ:

Я говорю, что хватит! Ясно тебе?

ПОЛИНА МАТВЕЕВНА (расстроено):

Ясно. А я стринги купила.

СЕМЕН НИКОЛАЕВИЧ:

Что? Что ты купила?

ПОЛИНА МАТВЕЕВНА:

Стринги.

Она достает из шкафа расшитые стразами трусы.

СЕМЕН НИКОЛАЕВИЧ:

Мне кажется, или я действительно сошел с ума? Для кого ты это купила?

ПОЛИНА МАТВЕЕВНА (виновато):

Для тебя! Чтобы в бане не стыдно было раздеться.

СЕМЕН НИКОЛАЕВИЧ (чуть не плача):

Ты издеваешься? Как такое могло прийти тебе в голову? Господи, и с этой женщиной я прожил столько лет!

Он выхватывает из рук жены стринги, подбегает к окну и выбрасывает их.

ПОЛИНА МАТВЕЕВНА:

Зря ты так, подумай о детях!

Семен Николаевич хватается за голову и убегает со сцены.

Квартира Марии Тульской. Она сидит у компьютера и что-то сосредоточенно читает. Звонок в дверь заставляет ее оторваться от занятия. Мария нехотя встает и идет открывать.

На пороге радостная Люська с тортом.

ЛЮСЬКА:

Привет!

Она протягивает Марии торт и начинает снимать с себя теплую куртку и шапку.

МАРИЯ ТУЛЬСКАЯ:

По какому поводу гуляем?

Люська прыгает на одной ножке, пытаясь снять с себя сапог.

ЛЮСЬКА:

Сейчас расскажу! Ты упадешь!

МАРИЯ ТУЛЬСКАЯ:

Нуууу?

ЛЮСЬКА:

Мой Борюндя вернулся!

МАРИЯ ТУЛЬСКАЯ (язвительно):

Есть от чего падать!

Несет торт на кухню, подруга семенит сзади.

ЛЮСЬКА:

Я не сказала самого главного. Он вернулся с дюжиной колготок!
Представляешь?!

МАРИЯ ТУЛЬСКАЯ (холодно):

Забавно! И, как я понимаю, этого было достаточно, чтобы растопить твое ненадежное сердце!

ЛЮСЬКА:

Маня, ты, видимо, плохо поняла, он принес целую дюжину колготок!
Представляешь, сколько все это стоит!

МАРИЯ ТУЛЬСКАЯ:

Думаю, намного меньше, чем сережки с бриллиантиками или, на худой конец, колечко!

ЛЮСЬКА:

Ну, ты загнула!

Сполоснув руки, Мария начинает резать торт. Люська ставит чайник.

ЛЮСЬКА:

Он бы умер от разрыва сердца, не выходя из ювелирного магазина!

МАРИЯ ТУЛЬСКАЯ:

И зачем тебе такой мужик, подруга? Выгнала же, и живи дальше, ищи нормального мужика!

ЛЮСЬКА:

Ага! Так они на дороге и валяются, нормальные да щедрые! И не забывай к тому же, что у меня двое детей!

МАРИЯ ТУЛЬСКАЯ:

Ладно, чего это я?! Раз тебе плохо без него, живи со жмотом!

ЛЮСЬКА:

Он же исправился...

МАРИЯ ТУЛЬСКАЯ:

Вот только не надо обольщаться! Все у вас пойдет по-старому, эту дюжину ты будешь носить до самой старости. Потому что, когда они продырявятся, и ты скажешь: «Мне нужны новые колготки», он сдвинет брови и напомним, что совсем недавно купил тебе целую дюжину!

Она наливает чай, достает из шкафчика две тарелочки, кладет на них по кусочку торта, ставит все это на поднос и несет в комнату.

Люська берет свою тарелочку и молча начинает есть торт, всем видом показывая, что она обиделась на подругу.

МАРИЯ ТУЛЬСКАЯ:

Очень вкусный торт! Спасибо тебе, а то я сижу и думаю, что бы такого вкусенького съесть.

ЛЮСЬКА:

На здоровье! Я же знаю, что ты любишь.

МАРИЯ ТУЛЬСКАЯ:

Сегодня в редакцию приезжал Степан.

ЛЮСЬКА:

Так, ну и?..

МАРИЯ ТУЛЬСКАЯ:

Я окончательно отказалась от замужества.

ЛЮСЬКА (грустно):

Манечка, родная, тебе уже 40 лет! На что ты вообще надеешься?

МАРИЯ ТУЛЬСКАЯ:

Не знаю.

Некоторое время подруги молча поедают торт.

МАРИЯ ТУЛЬСКАЯ:

Ты знаешь, по каким признакам можно отличить гея от нормального мужика?

ЛЮСЬКА:

Ты опять про Ваньку?

МАРИЯ ТУЛЬСКАЯ:

Вот, смотри, что пишут про геев. Первое: все они очень серьезно относятся к собственной внешности. Ванька плевать на себя хотел. Второе: чем бы гей ни увлекался, одежда, аксессуары, собственное тело для него всегда будут на первом месте. Ну, скажи мне, разве это похоже

на Левицкого? И тем более ему не свойственны ни нарциссизм, ни манерность.

ЛЮСЬКА:

Да, подруга, плохо с тобой дело!

Рабочий день в разгаре. Иван входит в свой кабинет. Лидия Михайловна с Александрой пьют кофе и живо обсуждают чью-то судьбу.

Иван садится за свой стол и начинает сбрасывать на компьютер фотографии.

ЛИДИЯ МИХАЙЛОВНА:

Бабушка у нее померла в Сочах, а квартиру в наследство ей оставила! Поэтому и уволилась.

АЛЕКСАНДРА:

А я слышала, что она замуж выходит, и теперь ей наш «Питер лайф» до одного места. Я бы тоже уволилась, если бы у моего мужа было несколько бутиков и ресторанов!

ИВАН:

Кому кости моем, подруги?

ЛИДИЯ МИХАЙЛОВНА:

А ты, что, не слышал? Машка Тульская уволилась? Мы думали, ты знаешь, вы же вроде как друзья.

ИВАН:

Как уволилась?

АЛЕКСАНДРА (весело):

Как увольняются? Подала заявление и привет!

Ничего не говоря, Иван выбегает и бежит в кабинет, где работала Мария. На него удивленно смотрит системный администратор Игорек.

ИГОРЕК:

Что случилось, Иван Петрович?

ИВАН:

Где Тульская?

ИГОРЕК:

Она уволилась? А вы что, не знали?

ИВАН:

Я в командировке был.

Он выбегает из кабинета, на ходу набирая номер телефона Марии. Номер не отвечает. Сильно толкнув Ванессу Карловну, идущую ему навстречу, Иван извиняется и бросается к выходу. Ванесса Карловна останавливается и с осуждением смотрит ему вслед.

Двери магазина «Шёнхайт». Иван вбегает в магазин. С вежливой улыбкой его встречает Каземир Альбертович.

КАЗИМИР АЛЬБЕРТОВИЧ:

Добрый день, Иван Петрович! Кого-то ищите?

Ничего не отвечая, Иван бежит мимо. Ему навстречу выходит Степан Агафонович. Он радостно открывает объятия.

СТЕПАН АГАФОНОВИЧ:

Кого я вижу! Какими судьбами?

ИВАН:

Да вот, хочу узнать, как вам удалось уговорить Маню? Деньгами прельстили?

СТЕПАН АГАФОНОВИЧ:

Деньги, дорогой мой, в наше время играют не последнюю роль. А управляющий бутиком в черноморском городе Сочи – это вам не корреспондент «Питер лайф».

ИВАН:

Так вы, значит, и работкой ее обеспечили? Нормально! Денег, что ли, мало, все хапаете и хапаете! Как бы не треснуть!

СТЕПАН АГАФОНОВИЧ:

А вы мои деньги не считайте, на себя лучше посмотрите, беднота кабацкая!

ИВАН:

Как ты меня назвал?

Он толкает бизнесмена в грудь. Тот чуть не падает.

СТЕПАН АГАФОНОВИЧ:

Голь перекатная! Педик!

Иван с размаху врезает бизнесмену кулаком в нос. Тот хватается за нос, а потом одним броском укладывает Ивана на пол. Тот вскакивает и снова бросается на Степана Агафоновича. Завязывается драка.

Посетители и продавщицы испуганно жмутся к стенам, и только Казимир Альбертович с явным удовольствием наблюдает за баталией. Причем его симпатии не на стороне хозяина.

Одна из покупательниц достает телефон и кричит.

ПОКУПАТЕЛЬНИЦА:

Я вызываю полицию!

Отделение полиции. В «обезьяннике» на разных лавках, отвернувшись друг от друга, сидят Иван и Степан Агафонович. Оба – с синяками и ссадинами, в испачканной, кое-где разорванной одежде. У Степана Агафоновича звонит телефон. Он отвечает:

СТЕПАН АГАФОНОВИЧ:

Хорошо! Жду!

Иван поворачивается к нему и со злостью спрашивает:

ИВАН:

Сколько тебе?

СТЕПАН АГАФОНОВИЧ:

Что – сколько?

ИВАН:

Лет, говорю, тебе сколько? 60?

СТЕПАН АГАФОНОВИЧ:

57, а что?

ИВАН:

Неужели ты думаешь, что она по любви за тебя выходит?

СТЕПАН АГАФОНОВИЧ:

Ты про Марию?

ИВАН:

А про кого же еще?

СТЕПАН АГАФОНОВИЧ:

Можешь успокоиться, не выходит она за меня, отказалась! Только я никак не пойму, у тебя-то какой к ней интерес? Ты же – гомик!

ИВАН:

Кто тебе это сказал?

СТЕПАН АГАФОНОВИЧ:

Ванесса! Ну и потом танцы эти твои в гей-клубе...

ИВАН:

А мне сказали, что Ванесса такая!

СТЕПАН АГАФОНОВИЧ:

Кто сказал?

ИВАН:

Да все в редакции так думают! Она же из-за этого меня не уволила.

СТЕПАН АГАФОНОВИЧ:

Из-за чего – «из-за этого»?

ИВАН:

Из-за того, что мы с ней, типа, одного поля ягоды.

В этот момент подходит Ванесса Карловна.

ВАНЕССА КАРЛОВНА:

Чушь собачья! Я оставила вас в редакции из-за...

ИВАН:

...из-за моей якобы нетрадиционной ориентации!

ВАНЕССА КАРЛОВНА:

Да, но не потому, что я сама... Слушай, ты, фотокор паршивый! С какой стати я должна тут перед тобой оправдываться? И нечего тут меня запугивать!

ИВАН:

А кто запугивает?! Это вы запугали всю редакцию! А бедного главного редактора заставили прикинуться голубым под страхом увольнения...

ВАНЕССА КАРЛОВНА:

Да ты с ума сошел! Никого я не заставляла!..

ИВАН:

Может быть! Только после вашего с Семеном Николаевичем разговора его увезли с инфарктом.

ВАНЕССА КАРЛОВНА:

Ты достал меня уже! Я тебя увольняю, понял? Пошел вон!

ИВАН (ехидно улыбаясь):

С удовольствием! Только дверцу откройте!

Лавочка напротив входа в отдел внутренних дел. На ней сидит Мария. Из дверей полиции выходит Иван.

ИВАН (удивленно):

Ты откуда?

МАРИЯ:

А это имеет значение?

ИВАН:

Нет, конечно.

МАРИЯ:

А что имеет значение?

ИВАН:

Что я люблю тебя!!!

Он хватает ее на руки и начинает кружить. Она, смеясь, спрашивает.

МАРИЯ:

А как же твоя голубизна?

ИВАН (тоже со смехом):

Она тебе мешает?

МАРИЯ:

Нисколько!..